

*Детективы
о женщине-СПИХИИ*

Ирина **ГРАДОВА**

**Соло
на раскаленной
сцене**

Ты остановишь жунами

Детективы о женщине-стихии

Ирина Градова

Соло на раскаленной сцене

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Соло на раскаленной сцене / И. Градова — «Эксмо»,
2017 — (Детективы о женщине-стихии)

ISBN 978-5-699-94734-8

Их всегда много вокруг нее – красивых, талантливых, сверхуспешных мужчин, на которых ведут охоту поклонницы и желтая пресса. Таким был ее отец, один из ведущих российских хореографов, таков ее муж, таковы ее звездные клиенты. Но не пора ли и ей, адвокату Марго, сыграть свою сольную партию? Хотя бы в этом деле красавчиков из мужского квартета, где каждый давно отказался от претензий на главную роль и ждет только защиты, жалости и чуть-чуть украшающей отношения лжи?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94734-8

© Градова И., 2017
© Эксмо, 2017

Ирина Градова

Соло на раскаленной сцене

© Градова И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

5 марта

Рита оторвалась от чтения бумаг и взглянула на часы. Половина восьмого, ей давно пора быть дома, но Борис Мирский просил его дождаться, и нет оснований не уважить его просьбу.

Рита была знакома с импресарио шапочно: он работал не в той сфере, что ее покойный отец, балетмейстер Григорий Синявский, или муж, Игорь Байрамов. Порой они пересекались, как случается в творческой среде, но Мирский вряд ли догадывался, что о нем думает великий Синявский. Если бы узнал, непременно бы обиделся, потому что тот презрительно именовал его «собирателем мусора». «Талантливый парень, – говаривал отец Риты, – но растрчивает себя впустую. Копаются, видишь ли, в навозе и вытаскивает оттуда отнюдь не жемчужины!»

Мирский занимался девичьими группами. Набирал красивых длинноногих девушек, преимущественно блондинок, находил автора, способного состряпать пару-тройку незамысловатых шлягеров, и вытаскивал подопечных на сцену, как гладиаторов на арену Колизея. Беспроигрышный вариант. Группы держались в верхних строках чартов месяца три, после чего отправлялись колесить по стране и еще несколько месяцев благополучно подвывали под записанную в студии фонограмму. Потом Мирский снова начинал охоту. Конвейер работал бесперебойно. Пару раз ему удалось подцепить стоящих ребят из числа тех бедолаг, кому на певческом конкурсе не досталось призового места. Некоторым из них Мирский дал дорогу в жизнь, но сольные исполнители его мало интересовали.

Но вот недавно импресарио кардинально сменил направление и сколотил бойз-бэнд, причем не вполне обычный. Вдохновленный успехом Quatro и Il Divo, он решил, что стоит пойти по этому пути – набрать четверку голосистых парней, которые смогут покорить публику. Понятно, что требовалось нечто, что отличало бы его группу от уже существующих, и Мирский отважился на необычную комбинацию.

В большинстве подобных квартетов обычно работают три тенора (скажем так, условных тенора, речь ведь идет о поп-певцах). Но в новом проекте он решил свести три баритона с одним-единственным тенором, который уравнивал бы низкие голоса партнеров. Ушлый продюсер быстро нашел троих участников будущей группы. С тенором, правда, пришлось повозиться, но Мирский не был бы Мирским, если бы не двигался к цели, как танк: Марка Саблина он буквально подхватил на вылете с оперного шоу «Русский тенор». Парень прошел три тура, и его забрало строгое жюри, но для поп-квартета голоса у него было вполне достаточно.

После этого Мирский приступил к раскрутке группы. По телевизору по несколько раз в день гоняли клип с чувственной неаполитанской песней в исполнении нового квартета. Вдобавок к этому лица ребят промелькнули в парочке ток-шоу, но большого ажиотажа Black'n'White не вызвали. Честно говоря, жаль, потому что исполнители подобрались на самом деле талантливые, да и музыка явно была сложнее расхожей попсы и напоминала так любимые Ритой итальянские напевы.

Но зачем ее услуги могли понадобиться Мирскому? Поначалу она даже решила, что дело касается Байрамова и «Гелиоса», но Борис дал понять, что проблема не связана со сценой.

В дверь постучали. Доложить о прибытии посетителя должна была Светлана, но Рита отпустила ее два часа назад. Эта неприметная девчушка стала для Риты настоящим спасением: на нее можно было положиться абсолютно во всем, и еще она умела угадывать, что понадобится боссу, еще до того, как Рита успевала что-то сказать. Второй член ее маленькой команды

по имени Кира пока не был включен в штат официально, но Рита подумывала об этом. Дело потихоньку расширялось, люди приходили по рекомендации тех, кому удалось помочь, так что за последние полгода ей удалось существенно поправить свои финансовые дела.

– Войдите! – пригласила она.

Невысокий лысый мужчина прошмыгнул в просторное помещение, как мышь. Мышь, одетая в дорогой костюм из серой замши, застегнутый на все пуговицы.

– Доброго вам вечера, – поздоровался он. – Надеюсь, не задерживаю?

– Желание клиента – закон. Присаживайтесь, Борис Моисеевич.

– Благодарю. Приступим сразу к делу?

– Было бы прекрасно.

– Мне рекомендовала вас Алина Каюрова. Она превозносила вас до небес и уверяла, что вы мастерица улаживать проблемы. По ее словам, вы просто Лара Крофт и мисс Марпл в одном флаконе!

Рита еще долго не сможет забыть опасное дело певицы Каюровой, которое ей довелось вести некоторое время назад. Правда, ее удивило, что Мирский знаком с оперной дивой. Откуда бы, ведь они разного поля ягоды?

– И что же у вас за проблема? – поинтересовалась она.

– Вы в курсе, чем я сейчас занимаюсь?

– Навела справки. Black'n'White, верно?

– Абсолютно. Откровенно говоря, дела идут не слишком хорошо. Но это не имеет отношения к делу. Речь пойдет о Бесо Метревели.

И это имя было ей знакомо. Владелец прекрасного бас-баритона, Метревели был солистом театра «Санктъ-Петербургъ опера». Рита слышала в его исполнении Евгения Онегина, Малатесту и пуччиниевского Марселя и нашла их великолепными.

– Так это у него проблемы?

– Да. Есть одна девица... Но начну, пожалуй, с самого начала. Как вы относитесь к «желтой» прессе?

– Обожаю! – усмехнулась она. – Приходится читать, ведь там так много и интересно пишут о моей семье!

– Вот, взгляните на это. – Вытащив из-за пазухи свернутую вчетверо газету, Мирский протянул ее собеседнице. – Под заголовком «Искушение Онегина».

Рита пробежала заметку глазами. Текст состоял главным образом из интервью некой Анны Коротченко, которая в подробностях описывала свой быстротечный роман с Бесо Метревели, случившийся, когда певец гастролировал в Астрахани. Даже не роман, а интрижка длиной в одну ночь – с окончания спектакля до утра следующего дня. Риту удивил тон интервью – девушка отзывалась о Бесо восторженно, ни в чем его не обвиняла и клялась, что ту ночь будет с наслаждением вспоминать на смертном одре.

– И что? – Она вернула газету. – Все очень мило и беззлобно, разве нет?

– Если не считать того, что Бесо Метревели счастливо женат и имеет четверых детей.

– О, тогда это действительно проблема, – сочувственно кивнула Рита.

Ей, как никому другому, было известно, что порой случается на гастролях. Покойный отец ни в чем себе не отказывал, когда дело касалось красивых женщин.

– На самом деле это только часть проблемы, – вздохнул Мирский. – Настоящая проблема вот, – и он протянул Рите слегка помятый конверт.

Сложенный вдвое тетрадный листок оказался письмом, коротким, с обилием орфографических ошибок. Содержание его сводилось к следующему: будучи все на тех же гастролях в Астрахани, Бесо Метревели принудил к половому акту несовершеннолетнюю Екатерину Лушину. На тот момент девушке еще не исполнилось пятнадцати лет. Письмо написала ее

мать, которая предлагала Метревели выбор: заявление в прокуратуру с обвинением в изнасиловании или миллион рублей.

– Ого! – присвистнула Рита.

– Видите ли, ни у меня, ни у Бесо в данный момент нет под рукой свободного миллиона. Да и платить шантажистам не самое мудрое занятие, как полагаете?

– Совершенно с вами согласна. Но скажите, изнасилование действительно было?

– Бесо утверждает, что не помнит эту девицу. Он, конечно, отнюдь не монах и признает, что порой адюльтеры случаются. Но в этом вопросе он твердо стоит на том, что никогда не встречался ни с какой Екатериной Лушиной, а уж тем более не спал с малолетками. Самое ужасное, что письмо вытащила из почтового ящика его жена, и теперь их брак под угрозой.

– А почему ко мне пришли вы, а не сам Метревели?

– Как продюсер Black'n'White, я представляю интересы всех членов группы. Вы должны что-то с этим сделать, Марго!

– Я постараюсь, но чего именно вы от меня хотите?

– Чтобы вы заткнули девице рот. Я ясно выражаюсь?

– Видите ли, я же не киллер...

– Господь с вами, Марго! Я ведь не убивать ее прошу. Выведите на чистую воду, заставьте молчать... Найдите какой-нибудь компромат – не мне вас учить!

– Что ж, надо подумать. – Она вытянула из ящика стандартный договор на оказание услуг.

Мирский достал из нагрудного кармана поблескивающую золотом ручку «Паркер».

– Такое впечатление, что эти люди совсем не смотрят дневные ток-шоу, все эти бесконечные откровения на темы «Ищу отца для своего ребенка» и «Я не отец своим шестерым детям»! – захлебываясь смехом, говорил Кира. Рита смотрела на него со смесью иронии и гордости. Похоже, она действительно воспитала себе отличного помощника.

Получив заказ от Мирского, она справедливо рассудила, что это дело не требует участия профессионала ее уровня – с ним справится и заслуженный новичок вроде Кирилла. Сейчас, пока он отчитывался о поездке в Астрахань, Рита вспоминала, как этот парень впервые перешагнул порог ее старого офиса, вывалил на стол объемистый альбом с фотографиями и предложил свои услуги в качестве помощника детектива. Тогда у нее не было ни денег, ни желания увеличивать штат, состоящий всего из двух сотрудников – ее самой и Светланы. Что ж, пожалуй, теперь он заслуживает стать полноценным членом команды.

– А с чего это вдруг ты заговорил о детях? – поинтересовалась Света.

– Все в свое время узнаешь, радость моя, – поморщился Кира, делая вид, что раздражен ее нетерпением. На самом деле он прямо упивался сознанием собственной значимости. Еще бы, в эту минуту он знал гораздо больше, чем его внимательные и благодарные слушательницы. – Итак, я с легкостью нашел нашу девушку. Кстати, ей никак не пятнадцать лет, как написано в письме, а все семнадцать – это существенная разница!

– Не очень, – покачала головой Рита. – Она все равно несовершеннолетняя, и если Бесо...

– Дайте же рассказать, Маргарита Григорьевна!

– Молчу-молчу.

– Так вот, я подумал: раз мамаша девицы соврала насчет возраста доченьки, может, остальное тоже вранье? И пошел по соседям.

– Правильный ход, – похвалила Рита. – Соседей хлебом не корми, а дай рассказать правду друг о друге.

– И уж они, будьте уверены, столько всего порассказали! Во-первых, я узнал, что Катя Лушина – личность известная в своем квартале и даже за его пределами.

– Чем же она знаменита?

– Любовными похождениями. Начала девочка рано, лет, кажется, в тринадцать – именно в этом возрасте у нее появился первый любовник.

– Как же мать допустила?

– Я так понял... – Кира отвел глаза и кашлянул в кулак, – э-э, что сначала парень стал любовником мамы, а потом как-то плавно переключался к дочери.

– Господи, какая гадость! – скривилась Света.

– И не говори. Парни менялись, как носки, соседи со счета сбились.

– Хорошо, – вздохнула Рита. – Ясно, что и Надежда, и Екатерина вели не монашеский образ жизни. Но это не отменяет тот факт, что Бесо мог переспать с девчонкой.

– Верно. Только вот проблема в том, что наша Катя беременна.

– От Метревели? – в один голос воскликнули Светлана и Рита.

– Вы же понимаете, что я не могу этого знать, да? Но в любом случае проверить не составит труда: стоит ей родить, и обычный тест ДНК... Однако, полагаю, этого не понадобится.

– Так ты еще не закончил?

– Да я только начал!

– Как тебе удалось выяснить о беременности?

– В женской консультации, разумеется.

– Там что, дают такие сведения?

– Денежки, как известно, развязывают языки. Спасибо за беспримерную щедрость, госпожа начальница! – Кира отвесил Рите шуточный поклон. – Одна из молодых соседок, ожидающая ребенка, сказала, что видела Катю в женской консультации по месту жительства, причем не единожды. До того, насколько ей известно, Лушина делала парочку аборт.

– Но не в этот раз? – задумчиво пробормотала Рита. – Они что, надеются захомутать Бесо с помощью ребенка?

– Это нереально, – развела руками Света. – ДНК...

– Не думаю, что мать и дочь думают убедить всех в том, что ребенок от Метревели, – перебила Рита. – Для них главное, чтобы Бесо почувствовал угрозу и откупился, ведь они хотят денег, а не выдать ее замуж! Слух о его возможном отцовстве, а также о предполагаемом насилии разлетится по всем СМИ в мгновение ока. Скорее всего, обе полагаются на его испуг, а иначе отправились бы прямо на телевидение или в какую-нибудь «желтую» газетенку. Метревели – отличный семьянин, хоть, возможно, и не без греха...

– А кто из нас без греха? – встрял Кира. – Вы все правильно говорите, Маргарита Григорьевна: они рассчитывали только на то, что мужик испугается за собственную репутацию и семейную жизнь. Короче, быстро выяснилось, что ни о каком насилии со стороны Метревели не могло быть и речи. Наша Катя давала всем, кто просил, и всегда была довольна, особенно если ей подбрасывали бабок или дарили подарочек.

– А на чем, собственно, основано утверждение матери, что у Кати и Метревели вообще были какие-то отношения? – поинтересовалась Света. – По его словам, он даже не помнит такую.

– У них есть несколько фотографий, на которых сняты Бесо и Катя, а еще они оба и Надежда.

– Так это могло быть после концерта!

– Снимки сделаны на улице, а не в зале, но, скорее всего, так оно и есть: никаких компрометирующих фотографий у них нет, все абсолютно невинно.

– И что же ты сделал после того, как наведалься в консультацию? – улыбнулась Рита.

– Проверил алиби Бесо. В гостинице, где во время гастролей останавливался Метревели, никто из персонала не узнал мать и дочь Лушиных. Правда, все хором утверждают, что к нему в номер в те дни приходили поклонники (в основном поклонницы). Некоторые задерживались дольше, чем на полчаса.

– Это ничего не значит, – заметила Светлана. – Когда народ идет косяком, трудно запомнить кого-то одного. Или двух.

– Верно, – кивнул Кира. – Поэтому я отправился проверять алиби наших девочек. Выяснились очень интересные факты. Надежда, оказывается, провела ту самую ночь дома с мужчиной. Соседи говорят, что это один из ее постоянных кавалеров.

– А дочка?

– А вот это самое интересное. Катя на целые сутки поехала на дачу к подруге на день рождения. А значит, она никак не могла находиться одновременно в двух местах – там и в постели Бесо!

– Прекрасно! – Рита удовлетворенно откинулась на спинку кресла. – Значит, все разрешилось?

– Это еще не конец, – усмехнулся Кира. – Я пошел к Лушиным и представился помощником адвоката. Сказал, что адвокат, то есть вы, Маргарита Григорьевна, готовит иск о защите чести и достоинства Бесо Метревели. Напомнил, что в нашем кодексе имеется статья за клевету и что по ней можно получить реальный тюремный срок. Пригрозил, что к иску будут приложены вскрывшиеся по ходу дела обстоятельства, включая возможное обвинение Надежды Лушиной в сводничестве, поскольку она отлично знала, чем занимается ее несовершеннолетняя дочь, и принимала за это подарки и деньги от мужчин...

– Ты даешь! – рассмеялась Светлана. – Они, наверное, подумали, что им светит высшая мера?

– Ага, – радостно осклабился Кирилл. – Надо было их видеть в тот момент!

– А как этим теткам вообще пришло в голову наехать на Бесо? – посерьезнела Рита. – Вот так ни с того ни с сего?

– Они прочли статью в местной газете, где какая-то дамочка делилась впечатлениями о «незабываемой ночи с Метревели». Прикинули, что это случилось в то же время, что они ходили на концерт, вот и задумали эту аферу. Они, конечно, не рассчитывали, что Бесо обратится к адвокату или детективу, и надеялись взять его на испуг.

– Мне кажется, – кивнула Рита, – что, если бы делом занимался сам Метревели, а не Мирский, у них могло получиться. Скорее всего, он предпочел бы откупиться, чтобы не выносить сор из избы.

– Тем более что не все ночи на гастролях он проводил один, – вставил Кира, и обе собеседницы уставились на него, открыв рты от неожиданности.

– Что ты сказал? – опомнившись, пробормотала Рита.

– У Метревели есть любовница в Астрахани. Она не приходила в гостиницу, хотя на концертах была. Бесо сам ее навещал. Потому-то, кстати, и свидетелей в отеле не нашлось. Зато обнаружилась некая пожилая дама, большая поклонница Метревели, которая в курсе всех его дел. Знаете, есть фанаты, которые...

– Да-да, – перебила Рита, – есть такие, действительно: они подбираются к знаменитостям настолько близко, что оказываются в курсе всех их личных и профессиональных дел. И твоя из таких?

– Точно. Она даже адрес той женщины мне продиктовала, но я к ней не пошел...

– И правильно, это уже на наше дело. По крайней мере, настоящая пассия Метревели совершеннолетняя, я правильно понимаю?

– Еще какая: ей лет тридцать пять!

– Вот и ладненько, – подытожила Рита. – Пора вызывать Мирского.

– Надеюсь, мне не нужно говорить, что нам хотелось бы оставить эту грязную историю в тайне? – с беспокойством спросил продюсер, когда Рита посвятила его в подробности расследования и передала расписку от Лушиных в том, что они намеренно оклеветали Метревели

и весьма сожалеют о своей ошибке. Расписка главным образом предназначалась для супруги Бесо.

– Хранить секреты клиентов – моя прямая обязанность, – ответила Рита, оскорбленная недоверием.

Два дня спустя на первой странице всех петербургских таблоидов красовалась история счастливого избавления Бесо Метревели от зубастой и жадной юной аферистки.

8 июня

В кабинет один за другим вошли пятеро мужчин, но Рита во все глаза смотрела на одного, замешкавшегося на пороге.

– Стасик? – изумилась она.

Это в самом деле был он, Стасик Бессонов. Те же прозрачно-серые глаза, светлые волосы, только короче, чем она помнила, то же безмятежное выражение лица. Казалось, он не изменился за прошедшие двенадцать лет, лишь слегка раздался в плечах и похудел: скулы выступали так сильно, что он стал напоминать эльфа из романов Толкиена. Рита не знала, как Стас отреагирует на нее, поэтому сдержала первый порыв и не бросилась навстречу. Он сам раскрыл объятия, и Рита сердечно обняла его.

– Какая ты... высокая! – проговорил он, отстраняясь и изумленно оглядывая ее с головы до ног.

Она и правда была выше Стаса, особенно на каблуках.

Риту так потрясло присутствие Бессонова, что на некоторое время она забыла, что к ней в офис снова нагрянул продюсер Black'n'White. Три месяца от него не было ни слуху ни духу. Не сказать, что она рвалась продолжить общение. Если начистоту, опыт сотрудничества с Борисом не доставил ей удовольствия. Тогда, три месяца назад, он просил-умолял не предавать огласке историю с Метревели. Однако же не успел остыть стул, на котором Мирский сидел перед ней, как эта история появилась в газетах. У Риты практически не было сомнений, откуда «желтая» пресса узнала о случившемся. И да, конечно, она удивилась, когда снова раздался звонок Мирского с просьбой о встрече.

– О, так вы действительно знакомы? – Борис развел руками. – Когда Стас сказал, я не поверил, решил, что он бредит!

– Мы встречались, когда папа год работал в Царицынской опере, в Волгограде, – пояснила Рита. – Тогда, правда, театр назывался как-то иначе...

– Волгоградская оперная антреприза, – подсказал Стас.

– Точно.

Наконец она оторвалась от него и обвела взглядом всех присутствующих.

– А почему вас только трое? – Только сейчас она сообразила, что четвертого участника квартета, тенора Марка Саблина, нет среди гостей.

– Нас четверо, – пророкотал глубокий низкий голос. Рита помнила мощный баритон, принадлежавший Павлу Жукову, солисту Михайловского театра. Им не довелось общаться лично, но она видела Жукова не раз на канале «Культура». Это был высокий, представительный мужчина брутальной внешности, такой тип особенно действует на дам за сорок. Взгляд его теплых синих глаз, осененных длинными, почти девичьими ресницами, разил наповал.

– Нас четверо, – повторил Павел. – Вместе со Стасом.

– Со Стасом? – переспросила Рита. – Что я слышу, ты вышел на сцену, к публике?

– Как-то так, да, – смущенно пробормотал он.

– Как вам удалось? – повернулась она к Борису. – Вы применили пытки?

– У меня в роду были инквизиторы, – ухмыльнулся тот. – «Испанский башмак», дыба – короче, пришлось потрудиться! Но я же не мог позволить Стасу прозябать в Волгограде, черт подери! Считаете, я был не прав?

– Да нет, просто... Пожалуйста, присаживайтесь! – спохватилась Рита и кивнула на кресла. Да, кажется, она не привыкла пока чувствовать себя здесь хозяйкой. Не так давно она переехала в новое здание, где вдобавок к арендованным двумстам с лишним метрам на последнем этаже стала обладательницей еще великолепного вида на Неву.

Гости, вежливо дожидавшиеся приглашения, опустили в мягкие кресла. Теперь, когда они сидели все рядом, Рита вдруг подумала, что, наверное, нечасто в одном помещении собирается столько красивых мужчин – просто праздник для глаз! Только Стас предпочел остаться на ногах. Он подошел к окну и с детским восхищением уставился на невскую панораму.

– Я вас слушаю, Борис Моисеевич. – Рита с трудом оторвала взгляд от неподвижной фигуры Бессонова на фоне темнеющего неба. – По телефону вы выразились как-то неопределенно...

– Так не телефонный разговор, Марго! – перебил он. – Вы успешно разобрались с нашей предыдущей проблемой, поэтому я обращаюсь именно к вам.

Рита попыталась придать лицу выражение, демонстрирующее, что она осознает столь великое доверие со стороны клиента.

– Короче, Марго, кто-то нас преследует. И Борис боится, что это может быть опасно!

Эти слова произнес до сих пор хранивший молчание Андрей Вельяшев. Из трех баритонов из Black'n'White его голос нравился Рите больше всего – сильный, резонирующий, во время сольной партии целиком заполняющий зал.

– Преследует? – переспросила она. – А в чем это выражается?

– Сейчас объясню, – снова взял инициативу в свои руки Мирский. – Началось все с того, что кто-то взломал наш официальный сайт и выложил там фотографии и тексты эсэмэсок с личных телефонов ребят. Когда мы попытались удалить эту гадость, ничего не вышло. Дальше на наши номера стали поступать сообщения нецензурного характера. Вот, взгляните сами, – и Мирский протянул Рите свой смартфон.

– Ужас какой! – Она поморщилась, прочитав парочку посланий.

– Это еще цветочки, – вмешался в разговор Бесо Метревели. – Хуже всего, что на телефоны наших друзей и родственников тоже пошли такие эсэмэски, представляете? Пришлось всем объяснять, что мы не сумасшедшие и ничего подобного не имели в виду.

– И это происходит снова и снова, – поддакнул Андрей. – Иногда в течение дня поступает столько посланий, что телефон разряжается.

– Вы в полицию обращались? – спросила Рита. – В отдел киберпреступлений?

– Заявление мы написали, – пожал плечами Мирский, – только нам дали понять, что расследование займет лет сто, а результат, скорее всего, окажется нулевым.

– Ага, – добавил Жуков, – зато СМИ уже подхватили новость и звонят в эфире, что это мы, дескать, так пиаримся!

Да, публичным людям крайне трудно доказать, что такие вещи случаются помимо их воли. Хотя что греха таить: частенько утечки происходят не просто с их ведома, но и по их собственному желанию. С другой стороны, похабные эсэмэски – явно не тот вид пиара, который порадовал бы солистов Black'n'White.

– Кроме кибератак, что-нибудь еще происходит?

– Так, всякие мелочи, – поморщился Мирский.

– Мне уже в третий раз шины прокалывают, – пожаловался Бесо.

– Не думаю, что твой «Ниссан» – жертва того же злодея, что и наши гаджеты! – фыркнул Вельяшев.

– Согласна, – кивнула Рита. – У вас есть предположения насчет личности злодея?

– Это может быть кто угодно, – развел руками Жуков. – Вы хоть представляете, какой у каждого из нас круг общения?

Рита представляла, ведь она была дочерью и женой знаменитостей.

– Лично мне кажется, что это дело рук Саблина, – вставил Вельяшев.

– Брось, Марк бы не стал! – отмахнулся Бесо.

– А вы как думаете? – спросила Рита у Мирского.

Тот лишь молча пожал плечами.

– А как насчет тебя, Стас? – обратилась Рита к Бессонову, не участвовавшему в разговоре.

– Что? – Он обернулся на собственное имя, и Рита поняла, что Стас даже не слушал.

– В твоё личное пространство вторгались? Телефон, сайт в Интернете...

– У меня нет сайта. А с телефоном вроде все в порядке.

Он вытащил из кармана небольшой аппарат и помахал им в воздухе. Ясно, не смартфон, значит, меньше проблем с киберхулиганами.

– Да он с нами без году неделя! – воскликнул Жуков. – Во всяком случае, как солист.

– Это так, – кивнул импресарио. – Вы нам поможете, Марго?

– Не буду обманывать: как вас и предупредили в полиции, шансов мало. Я не хакер, но могу попытаться.

– Вот и чудненько! – ударил ладонями по подлокотникам Мирский. – Где надо подписать?

– Мне кажется, ваш Мирский не слишком серьезно относится к происходящему, – с сомнением проговорила Рита, когда официант, принесший кофе, удалился. – А ты что об этом думаешь?

Они со Стасом сидели в ресторане, недалеко от гостиницы, где он остановился.

– Не знаю, – без всякого интереса пожал плечами Бессонов. – По-моему, кто-то просто балуется.

– Жестоко балуется, не находишь? Выкладывать на всеобщее обозрение чью-то личную жизнь, влезать в телефоны, писать близким людям от вашего имени – по-моему, кто-то должен быть на вас очень зол.

– У Павла проблемы с бывшей. Она доит его, как корову, не дает видаться с сыновьями и отслеживает каждый его шаг в Сети. Теперь у нее есть на него гора компромата, и она может заявить в органы опеки, что детям опасно находиться рядом с отцом. А Бесо счастливо женат, но с некоторых пор к нему в почтовый ящик начали скидывать фотографии каких-то девиц в чем мать родила – и что жена должна думать?

«Да уж, – подумала Рита, – в особенности после истории с Лушиными».

– У кого-то на вас зуб, – задумчиво пробормотала она. – И, сдаётся мне, Вельяшев может быть прав насчет Марка Саблина. Расскажешь, каким ветром тебя занесло к Мирскому? Начни с того времени, когда мы расстались, хорошо?

– Знаешь, рассказчик из меня никакой, – с сомнением покачал головой Стас. – Окончил музыкальное училище, вокальное отделение, поступил в консерваторию имени Серебрякова...

– Это туда, где твоя мама преподавала вокал? – уточнила Рита.

– Точно. Только я пошел на оркестровое дирижирование.

– А почему не на академическое пение или, на худой конец, на фортепианное – ты же здорово играешь!

– То, что мне дорога в консерваторию, было однозначно, но петь... Я всегда хотел писать музыку. В сущности, это единственное, что меня всегда интересовало. Родители мой выбор поддержали.

– Кстати, как они? – спросила Рита. Конечно, она хорошо помнила замечательных маму и папу Стасика, которые его обожали. – Как Ольга Петровна?

– Они умерли, – сухо ответил Стас, и Рита отпрянула от неожиданности и прикрыла рот рукой.

Какая же она идиотка, могла бы догадаться! Впервые оказавшись в доме Стаса и познакомившись с его родителями, она приняла их за его бабушку и дедушку. Ее собственному отцу тогда было лет сорок восемь (и это при том, что у нее еще есть старшие брат и сестра), а им, даже на ее подростковый взгляд, под шестьдесят. Стасик был поздним ребенком и потому таким любимым. Выглядели Бессоновы великолепно, несмотря на возраст. Профессии обязывали: Ольга Петровна преподавала в консерватории вокал, а Денис Емельянович работал в музыкальном театре художником-постановщиком. В высшей степени интеллигентная семья, и Рите нравилось у них бывать. Там в отличие от ее собственного дома, где к детям предъявлялись завышенные требования и царили казарменные порядки, установленные главой семейства, обстановка была доброжелательной, полной любви и заботы. Бессоновы радовались, что у их замкнутого, тихого мальчика появилась подруга.

– Как это случилось, Стасик? – спросила Рита, придя в себя от потрясения. – Когда?

– Рак. У мамы. А папа умер на работе, прямо во время репетиции. Все произошло в один год... В тот, когда я поступил в консерваторию: мама – в сентябре, папа – в марте.

– Но почему ты не написал, не позвонил?

– Да я вообще не думал, что ты меня помнишь.

– Как ты мог так думать?

– Но что бы ты сделала, даже если бы знала? – пожал плечами Стас.

Они немного помолчали над остывающим кофе. Подошел официант поинтересоваться, не желают ли гости еще чего-нибудь.

– У вас есть коньяк? – спросила Рита.

– Армянский или французский?

– Армянский хороший?

– «Арадис». – Официант и бровью не повел. – Семилетней и двадцатидюлетней выдержки. Какой предпочитаете?

– Давайте семилетней!

– Бутылку или бокалы?

– Боюсь, бутылку мы не одолеем. Пусть будет два бокала.

– Сию минуту.

– Давай, что ли, за помин души твоих родителей? – сказала Рита, поднимая пузатый бокал. – Пусть земля им...

Она махнула сразу половину, Стас же едва пригубил и поставил бокал на стол.

– Значит, ты остался в Волгограде совсем один? – спросила она. – Без поддержки?

– А я и не остался. Что мне там было делать?

– А консерватория?

– Перевелся в Москву. Я всегда хотел учиться в московской консерватории, но как было оставлять маму с папой одних? Они бы не возражали, но сама понимаешь... Так что диплом я получил в столице.

– А потом, значит, вернулся домой?

– Надоела Москва. Там такой бешеный ритм, что дышать не успеваешь.

– Некоторым нравится.

– Но не мне. Я устроился в отцовский театр, стал работать по специальности, писал музыку к спектаклям. А потом Мирский меня выцарапал в Питер.

– Погоди, но как так получилось? Разве вы были знакомы?

– В том-то и дело, что нет. Смешно получилось, честное слово!.. Ой, долго рассказывать.

– А я не тороплюсь.

Рита не лгала: ей и в самом деле некуда было спешить с тех пор, как они с Игорем разъехались.

– Ну тогда что ж... У нас в МГК, на вокальном отделении, был препод один, Пургин Роман Анатольевич, который обожал неаполитанскую песню – просто сам не свой был. Он все приговаривал, что никто нынче не в состоянии написать ничего, хотя бы отдаленно напоминающего Сальваторе ди Джакомо, Либери Бовио или Эрнесто Муроло. И так он всех этим достал, что я решил его слегка надуть: накропал несколько песенок в стиле Джованни Гаэта, и они «случайно» попали на стол Пургина. Он перерыл весь Интернет в поисках «неизвестных» произведений!

– Так ты что, подписал ноты чужим именем?!

– Ну да, – пожал плечами Стас. – А иначе неинтересно!

– И что дальше?

– Естественно, Пургин ничего не нашел. Мне лично было интересно, определит ли он, что Гаэта не имел отношения к моим сочинениям.

– Но он не определил? – предположила Рита.

– Не-а. Страшно сокрушался, ведь он мнил себя знатоком его творчества!

– Ты признался?

– Пришлось. Я думал, он меня убьет за обман, но – нет, просто покричал чуток... А потом, уже по возвращении в Волгоград, мне вдруг звонит Борис Мирский и спрашивает, действительно ли я написал те песни и могу ли еще что-нибудь сотворить в том же духе.

– А ты?

– Сказал, что могу, само собой. Black'n'White начинали с обычного музыкального набора – классических поп-песен Пресли и Синатры, легких оперных произведений и известных неаполитанских песен, но Мирский понимал, что, если группа хочет по-настоящему «раскрутиться», ей требуется собственный репертуар, поэтому мои «гаэтские» песенки пришлось кстати. Когда я ездил на стажировку в Милан, завел знакомство с парнем по имени Сальваторе, пишущим неплохие стихи.

– На итальянском?

– Разумеется, он же итальянец! Я связался с ним по Интернету, и за пару ночей мы привязали мою музыку к его словам. Потом Борис попросил написать что-нибудь по-русски и сам предложил поэта-песенника – Светлова, ты должна его знать.

– Конечно, кто ж его не знает!

– Ну вот, и понеслась душа в рай...

– Но ты не сказал, как оказался в составе группы, – заметила Рита.

– Ох, это вообще... Мы с Сальваторе сляпали очередной «шедевр», я отправил его Мирскому, и группа его опробовала. Потом Борис звонит и говорит, что Марк не справляется с теноровой партией – говорит, что это никто не споеет. Я сказал, что даже я спою.

– И спел?

– Спел, прямо по телефону... А потом Мирский приехал за мной.

– Как же он тебя уломал?

– Сказал, что Саблин обиделся и ушел, и теперь, значит, мне придется занять его место, раз уж я стал причиной этой «трагедии».

– Погоди, – уточнила Рита, – он, то есть, имел в виду, что ты написал слишком хорошую и сложную музыку, а потому ты и виноват и должен разгрести его проблемы с Саблиным?

– Ну да, что-то в этом роде.

– Круто! – выдохнула она и влила в себя остатки коньяка.

– Но я согласился с условием, что они будут искать другого солиста, – добавил Стас. – Не мое это все...

Неожиданно он запнулся и посмотрел куда-то за спину Риты. Она обернулась и увидела молоденькую девчонку. Незнакомка отделилась от группки «золотой молодежи», сидевшей за столиком в глубине зала – оттуда то и дело доносились взрывы хохота и приглушенный визг.

Ресторан дорогой, и обычным студентам здешнее меню не по карману – то есть ребятки из «сливок общества», как определила Рита, едва они со Стасом вошли. Она намеренно попросила официанта найти им местечко подальше от «молодежей», что он и сделал. И вот одна из их компании почему-то решила подойти.

– Вы ведь Маргарита Синявская? – пробормотала она, переминаясь с ноги на ногу.

– Д-да, – с подозрением подтвердила Рита, недоумевая, что могло от нее понадобиться девочке. А, ясно: Байрамов!

– Можно ваш автограф?

Рита посмотрела на Стаса, но тот едва заметно качнул головой, указывая взглядом на руку девушки, в которой была зажата салфетка: она протягивала ее Рите, а не ему.

– Мой?! – изумленно переспросила она.

– Вы жена Игоря Байрамова, верно? – уточнила юная незнакомка.

– Верно, но я не могу дать автограф от его имени...

– Его автограф у меня уже есть, я хочу ваш. Вы ведь частный детектив? Та самая, которая расследовала дело Алины Каюровой, а до этого – Андрея Кожухова, рок-певца? Вы – мой кумир! Я учусь на юридическом и хочу... ну вот как вы. Так можно автограф?

Рита почувствовала, что густо краснеет под насмешливо-доброжелательным взглядом Стаса. Она ненавидела эту свою особенность – ну почему ей никогда не удастся скрыть смущение?! Взяв протянутую салфетку, Рита размашисто поставила свою подпись и вернула девушке, но та уходить не спешила.

– А это – ваш брат? – поинтересовалась она, с любопытством глядя на Стаса. – Михаил, да?

Черт, она и про Мишку знает?

– Нет, – покачала головой Рита. – Это не он.

– Вы тоже какая-нибудь знаменитость? – не унималась цыпочка. – Актер или...

– Нет, что вы, я фрезеровщик, – быстро ответил Бессонов.

– Кто-кто?

– Слесарь он, на заводе работает, – давась от сдерживаемого смеха, пояснила Рита: вообще-то, учась на юридическом факультете, неплохо бы иметь кругозор пошире!

– Ну да, как же! – недоверчиво сморщила носик девица и отошла, оглядываясь через плечо.

Рита протянула руки через стол и взяла ладони Стаса в свои.

– Гляди, даже она не поверила: ты грабки-то свои видел, «фрезеровщик»?

У него были крупные кисти с тонкими, длинными пальцами пианиста и коротко подстриженными аккуратными ногтями.

– Ты лучше туда посмотри, – ткнул он пальцем в витрину. Белые ночи заканчивались. В витрине, похожей на размытое зеркало, отражались они со Стасом. Рита вдруг поняла, что назойливая незнакомка не так уж не права: они действительно могли бы быть братом и сестрой! Похожие черты лица на скуластых треугольных лицах, длинные волосы почти одного цвета, четкий рисунок губ... Только глаза, хоть и были серыми у обоих, имели разные оттенки – у Риты уходили в голубой, а у Стаса – в зеленый цвет.

– Чудны дела твои, господи! – пробормотала Рита, не отрывая взгляда от стекла.

Мельком взглянув на висящие в коридоре часы, Рита увидела, что уже начало второго.

– Ты голодная?

От неожиданности она едва не опрокинулась носом вперед, так как в этот самый момент снимала туфлю.

– Господи, мама, ты меня напугала!

Наталья Ильинична стояла в дверях своей комнаты в ночной рубашке и накинутом поверх нее шелковом пеньюаре. В таком наряде мать выглядела хрупкой и до странности юной.

– Я думала, ты спишь, – добавила Рита, надевая тапки.

– Ты же знаешь, я не могу лечь, пока тебя нет.

– Ма, мне почти тридцать, а ты ведешь себя так, как будто я учусь в шестом классе! Когда я жила с Игорем...

– Правильно, – перебила мать, – если ты живешь отдельно, то твоя жизнь – его ответственность. В противном случае за тебя отвечаю я... Кстати, об Игоре: он заезжал с документами, но не застал тебя.

– Надо что-то подписать?

Отцовский «Гелиос» принадлежал им в равных долях. Рита не участвовала в жизни театра, но ей приходилось время от времени ставить подпись на финансовых и других документах, не касающихся творческой стороны дела.

– Видимо, да, – ответила Наталья Ильинична. – Ты что, выпивала? А потом – за руль?

– Я приехала на такси, не волнуйся. Заеду к Байрамову завтра... Ты что-то говорила о еде?

Они со Стасом просидели в ресторане часа три, за это время выпив полбутылки коньяка и закусив креветками. Выяснилось, что коньяк обладает свойством вызывать зверский голод. При жизни Григория Сергеевича никому бы и в голову не пришло трапезничать в такой час: глава семейства строго следил за формой жены и детей и ни за что не позволил бы отправить в рот ни куска пищи после шести вечера. В обычное время Рита не стала бы нарушать установленный покойным Синявским «закон», однако сегодня она чувствовала, что не уснет на голодный желудок.

– Заяц, я давно хочу с тобой поговорить, – сказала Наталья Ильинична, наполняя тарелку ароматным борщом.

– Ой, мам, даже не начинай! – взмолилась Рита, предвидя, о чем пойдет речь.

– Нет уж, позволь мне высказаться!

Мать редко проявляла упорство – в этом, видимо, и заключался секрет долговечности их с отцом брака. Любая другая, не выдержав тяжелого характера Синявского, давно бы сбежала.

– Ну хорошо, – вздохнула Рита, закатывая глаза, – выкладывай!

Поставив тарелку перед дочерью, Наталья Ильинична уселась напротив.

– Сколько это еще будет продолжаться? – спросила она, подперев рукой подбородок и испытующе глядя на Риту.

– Ты о чем?

– Ой, детка, ты отлично знаешь! Как долго ты намерена жить у меня?

– Я тебе мешаю, мама?

– Что за глупости! Я радовалась, когда вы оба здесь жили, ты и Игорь, но когда вы переехали, я была счастлива, что вы вместе. Вам многое пришлось преодолеть, чтобы вновь сойтись – неужели ты все разрушишь?

– Я?! – возмутилась Рита, едва не поперхнувшись супом. – Это я-то все разрушаю? Если помнишь, именно Байрамов...

– Да-да, Игорь изменил! – перебила мать. – Один раз, перебрав алкоголя.

– Ты в курсе, что в суде опьянение считается отягчающим, а не смягчающим обстоятельством?

– Мы же не в суде, дочь, – вздохнула Наталья Ильинична. – Решается твоя жизнь!

– Давай-ка я напому тебе, как было дело, идет? Я не ожидала, что Байрамов готовит сюрприз на годовщину, а потому задержалась в офисе – между прочим, помогала женщине, оказавшейся в безвыходной ситуации! Ему стало тоскливо, он отправился в бар, где его «сняла» его же собственная балерина.

– Одна-единственная ночь! – напомнила Наталья Ильинична. – Твой отец изменял мне, но я понимала, что творческому человеку свойственны метания в личной жизни. У твоего папы было много качеств, за которые я его любила, а его слабости... Что ж, у кого их нет? Неужели ты не в состоянии простить Игорю прошлые дела?

– Ну как ты не понимаешь, ма! – в отчаянии всплеснула руками Рита. – Дело не в том, что я не могу простить прошлое, а в том, что я не верю в наше с ним будущее! Не верю, что могу на него положиться... Добрая половина его балерин откровенно хотят его – я уж не говорю о поклонницах, которые каждодневно желают мне смерти от проказы! Сумеет ли Байрамов удержаться, а если да, то насколько его хватит?

– Так нельзя, милая. – Мать сочувственно погладила дочь по руке, сжимающей ложку. – Если думать о таком, тогда действительно нужно разводиться! Но вы с Игорем – прекрасная пара. Так считают все, за исключением нескольких истеричек, от которых в первую очередь страдает сам Игорь, ведь с бешеными поклонницами справляться нелегко. У тебя уравновешенный, сильный характер, и только ты способна укротить его темперамент и уберечь от ошибок!

– Мама, а почему я всегда должна служить громоотводом? Думаешь, мне не хочется прислониться к сильному плечу, спрятаться, почувствовать себя защищенной?

Слабая улыбка заиграла на губах Натальи Ильиничны.

– Уверена, что хочется, дочь, – кивнула она. – Но у тебя иная судьба, потому что совершенно другой характер. Тебя не нужно защищать – ты и сама справишься, и других спасешь!

– И коня, и в избу... – с горечью пробормотала Рита, качая головой.

– Прямо как о тебе писано, да? – лукаво усмехнулась мать. – Все женщины мечтают иметь рядом рыцаря, но порой нам приходится надевать доспехи и спасать наших «рыцарей» от драконов... И мы, они просто обязаны это признать, справляемся с задачей гораздо успешнее!

Обе женщины одновременно взглянули друг другу в глаза и рассмеялись.

– Знаешь, кого я встретила сегодня? – спросила Рита, успокоившись и решив сменить тему.

– Кого?

– Бессонова!

– Стасика?!

– Ты его помнишь?

– Разумеется, такой талантливый мальчик был...

– Почему – был, ма? Ты даже не представляешь, что произошло!

– Ну и кто это был?

Рита вздрогнула, потому что не слышала, как Игорь вошел в кабинет. Когда она пришла, репетиция находилась в разгаре, поэтому Рита прошла в хорошо знакомое помещение, ранее занимаемое ее отцом, уселась на кожаный диван, достала планшет и занялась официальным сайтом Black'n'White, пытаясь понять, насколько большой урон нанесен неизвестным злоумышленником.

– А где «привет»? – поинтересовалась она.

– Привет. Так кто это был?

– Где?

– С тобой в ресторане.

– Когда?

– Не увиливай: тебя видели с каким-то белобрысым парнем!

До Риты наконец дошло, о ком говорит Байрамов, но она удивилась не тому, что ему донесли о ее встрече со Стасом, а его реакции: неужели Игорь ревнует? Это на него не похоже,

ведь обычно Рита вынуждена страдать от ревности, когда Байрамова осаждают поклонницы! Да нет, он и впрямь ревнует, и к кому – к Стасику... Ну так пусть помучается!

– А-а, – вроде бы как равнодушно протянула она, – это Стас Бессонов, он...

– Погоди-погоди, тот самый Бессонов? – перебил Игорь.

– Ты его знаешь?

Вот так новость!

– Разумеется, ведь это он написал музыку к балету «Роксолана», который у меня из-под носа увел Журов! Если бы я знал, что ты знакома с Бессоновым, непременно воспользовался бы этим и послал тебя на переговоры!

Рита помнила, как злился Игорь, когда Макар Журов перехватил у него такой желанный балет, ведь Байрамов мечтал поставить его в своем театре «Гелиос». Она признавала, что он отлично смотрелся бы в роли Сулеймана, взявшего в жены славянскую рабыню Александру, хотя в то время, когда у Игоря возник конфликт с Журовым, фамилия Бессонова не звучала, только название – «Роксолана».

– Ну, – сказал Игорь, – и как получилось, что вы знакомы?

Разговор с матерью приглушил Ритино негодование, и она решила не кривить душой из одной лишь мести.

– Помнишь, мы уезжали в Волгоград?

– А, это... почти на год, верно?

– Да. Так вот, Стасик оттуда родом. Его папа работал в театре, а мой ставил там серию балетов к фестивалю.

– Я думал, что все о тебе знаю, – задумчиво произнес Игорь, садясь в отцовское кресло. – Но, признаюсь, эта страница твоей жизни до сих пор оставалась скрытой!

Рита отлично помнила обстоятельства знакомства со Стасиком Бессоновым, хотя оно состоялось много лет назад. Переезд в Волгоград и смена школы тогда вывели ее из равновесия – настолько, что обычно послушная и робкая девочка взбунтовалась. Старшие сестра и брат оставались в Питере, ведь они учились в вузах, а потому не могли вот так запросто сорваться с места, а они с матерью вынуждены были следовать за главой семейства. Новые одноклассники ей не понравились, как и квартира, снятая администрацией театра. Да и сам город на первый взгляд показался жутко провинциальным и таким непохожим на шумный, бурлящий Санкт-Петербург... В тот день Рита решилась на беспрецедентный шаг – прогулять школу. Она взяла портфель, поцеловала маму и вышла из дому ровно в половине девятого утра, но вместо того, чтобы отправиться на занятия, пошла в театр. Отец не должен был появиться до одиннадцати, и Рита подумала, что успеет осмотреться. Потом она планировала закатиться в кино или пошляться по улицам, исследуя новое место жительства. Она пробралась в здание через черный вход, со двора, в котором оказалось полно кошек, видимо, проживающих в обширных подвалах театра. Внутри, казалось, не было ни души, и Рита бродила по длинным коридорам, заглядывая в незапертые двери. А потом она услышала звуки музыки и, как крыса за дудочкой, последовала туда, откуда они доносились. Приоткрыв дверь в репетиционный зал, Рита застыла на пороге. Посреди помещения стоял огромный старый рояль, за которым сидела светловолосая девочка. Рита видела только ее спину и руки, быстро и легко бегающие по клавишам. Она узнала произведение – «Юмореска» Антонина Дворжака, – исполняемое с большим мастерством, несмотря на возраст. Рита полностью отдалась во власть чудесной музыки, как вдруг на ее плечо легла тяжелая рука. Она взвизгнула от неожиданности и обернулась. Музыка оборвалась. Перед Ритой стоял Григорий Синявский, его брови почти сошлись на переносице, а губы были плотно сжаты.

– И как это понимать? – едва сдерживая ярость, поинтересовался он. – Звонили из школы, мать чуть с ума не сошла!

Рита слышала много интересного о себе – о том, что из нее, бесталанной, не вышло балерины, но оставалась, по крайней мере, надежда, что получится хоть что-то путное, если она направит свои усилия в русло учебы. Однако, судя по всему, она намерена остаться неучем и мести улицы вместо того, чтобы поступить в «нормальный вуз» и «стать человеком». Ее старшие брат и сестра знают, что нужно много работать, чтобы чего-то достичь, и только она, оказывается, является самым большим папиным разочарованием. Упреки Григория Сергеевича были несправедливыми, ведь Рита хорошо училась и сорвалась всего один раз, когда, вопреки собственному желанию, очутилась в чужом городе, без друзей и привычного окружения. Злые слезы брызнули у нее из глаз, и она, вырвавшись из железной хватки отца, бросилась по коридору, не разбирая дороги. Свернув несколько раз, она влетела в крошечную темную каморку, заставленную ведрами и швабрами. Там, забившись в угол, Рита принялась горько рыдать, жалея себя, незаслуженно обвиненную в безделье и отлынивании от многочисленных обязанностей, накладываемых на всех детей Великого и Ужасного просто потому, что они – часть его семьи.

Она услышала, как дверь, скрипнув, отворилась, и вскинула глаза в ожидании увидеть разъяренного отца. Однако в проеме стояла та самая девочка, которая сидела за роялем в момент, когда Риту застукал Григорий Сергеевич. Только это оказалась вовсе не девочка: Риту обманули длинные светлые волосы и одежда в стиле «унисекс» – в джинсах и футболках все подростки, независимо от пола, выглядят одинаково. С узкого, скуластого мальчишеского лица на нее смотрели широко раскрытые серо-зеленые глаза, а в вытянутых руках парнишки находилось нечто пушистое. Рита не сразу поняла, что это – маленький черный котенок, очевидно, отпрыск одной из тех кошек, которые в изобилии наводняли внутренний двор театра. Девочка приняла неожиданный дар, который тут же уютно устроился у нее на коленях, свернувшись калачиком. Мальчик просочился внутрь и, тихонько прикрыв за собой дверь, опустился на пол рядом с ней.

– Спасибо! – сказала Рита с опозданием.

– Я думал, он тебя убьет! – проговорил юный пианист. – Кто это был?

– Мой папа...

– Папа?!

Серые глаза распахнулись еще шире. Позже Рита поняла удивление своего нового знакомого, ведь в его собственной семье не было принято повышать голос – наверное, Григорий Сергеевич показался мальчику злобным великаном, настигшим свою жертву и собиравшимся сожрать ее с потрохами!

В этом месте ее рассказа Игорь понимающе хмыкнул:

– Да уж, твой папаша в гневе был способен напугать кого угодно!

– Верно, – согласилась она. – А у Стасика... у него одна особенность была в детстве – он боялся громких звуков, страшно не любил, когда люди кричат и ругаются. Его мама как-то обмолвилась, что давным-давно ему даже поставили диагноз «аутизм», который впоследствии сняли. Тем не менее Стас приходил в ужас каждый раз, когда кто-то при нем начинал орать, и всегда старался убежать, скрыться от потока чужих отрицательных эмоций... Поэтому у него не было друзей, кроме родителей и учителей.

– И тебя?

– Ну да.

– Значит, этот твой... друг детства проездом оказался в Питере и решил вспомнить былое?

– На самом деле ко мне обратился Борис Мирский...

– Господи, а этот-то здесь каким боком?! – поморщился Байрамов.

Рита знала о его неприязни в отношении продюсера. Как и многие представители классической ветви шоу-бизнеса, он терпеть не мог тех, кто, как ему казалось, готов заниматься даже порнографией, если это приносит прибыль. Мирского Игорь считал одним из таких людей.

– У него новый проект, – пояснила она. – Группа Black’n’White – не слышал?

– А-а, это те ребята, с песней... что-то там на итальянском, кажется, которую крутят между рекламами по Первому каналу?

– Точно. Музыка, кстати, бессоновская.

– Да ты что? Жаль, что он ударился в попсу!

– Стас – разноплановый композитор. Теперь, между прочим, еще и полноправный солист группы.

– Так их теперь пятеро? Глядишь, так наберется хор имени Пятницкого!

– Их четверо, просто один ушел, и на его место временно взяли Стаса.

– А что Мирскому от тебя-то понадобилось? – недоуменно спросил Байрамов.

– Алина Каюрова ему меня порекомендовала месяца три назад в связи с... Ну да это неважно. А недавно с группой снова случилась неприятность.

– Что, костюмы концертные украли?

– Вот, погляди, – и Рита ткнула пальцем в экран ноутбука. – Только сегодня модератор все вычистил, и – снова!

Прямо наверху, над фотографией группы (кстати, все еще с Марком Саблиным) «висела» надпись: «Срочная новость! Трагедия на Московском шоссе: члены группы Black’n’White погибли!»

– Круто! – пробормотал Игорь. – У кого-то определенно на них зуб. Ты сказала, этот, как его... Саблин покинул группу – он ушел или его «ушли»?

– Интересно, что ты спросил! Мирский сказал, он ушел по собственной воле, но у меня есть подозрение, что сам Марк вполне мог так и не считать!

– То есть?

– Ну, все началось с того, что Стас написал песню, которую Саблин петь отказался...

– Такая плохая?

– Наоборот, слишком хорошая – то есть чересчур сложная для его небольшого, в сущности, голоса. Вот ты, к примеру, что бы сделал, если бы танцовщик или балерина отказались выполнить твою хореографическую задумку?

– Я-то? Показал бы, как надо делать, а потом добился идеального исполнения.

– Вот и Борис так поступил.

– Не знал, что Мирский поет!

– Да нет, конечно... Борис сказал Бессонову, что написанную им партию тенора спеть невозможно, а Стас взял и спел. Мирский дал группе прослушать голос Стаса.

– Похоже, тем самым он подарил Саблину несколько неприятных минут! – хмыкнул Игорь.

– Видимо. И после этого Марк, разобиженный, покинул Black’n’White, – закончила Рита.

– Ну и правильно, – спокойно согласился Байрамов. – Если выходишь на сцену, должен уметь все – по крайней мере, в своей области. Недотягиваешь – работай в два, в три, в десять раз больше и добивайся результата!

Рите вдруг показалось, что перед ней – не Игорь, а внезапно оживший Григорий Сергеевич, с присущей ему требовательностью и жесткостью, граничащей с жестокостью. Неудивительно, ведь Байрамов – продукт воспитания Синявского даже больше, чем сама Рита!

– Ты чересчур категоричен! – поморщилась она.

– Но ты спросила, что бы я сделал, верно? – напомнил Игорь. – А теперь злишься!

– Да я не злюсь, просто...

– Думаешь, злые «приколы» – дело рук Саблина?

– А почему нет? Надо проверить эту версию, ведь других-то пока нет...

– Ой, брось – да я сам тебе сейчас назову несколько!

– Ну, валяй.

– Во-первых, и вернее всего, дело в каком-нибудь поклоннике, обойденным вниманием. Кстати, вполне может быть, что он – фанат Марка, а потому мстит за обиду, нанесенную кумиру... Или Саблин его попросил.

– Принимается. Еще?

– Допустим, Мирский захотел пиара – хоть «черного», хоть какого, – и «заказал» группу какому-нибудь компьютерному гику?

– А не легче сразу отправиться в редакцию газеты или на телевидение?

– Это выглядело бы слишком подозрительно! Правильнее действовать окольными путями. Рано или поздно информация как бы случайно просочится в СМИ, но ни у кого не возникнет и тени сомнения, что это – утечка, а не намеренный «вброс». Ты ведь не считаешь Бориса Мирского эталоном чистоплотности?

– Я не настолько близко с ним знакома, чтобы строить предположения.

– Ну так поверь тому, кто сталкивался с такими типами: они пойдут на все, чтобы «раскрутить» свой проект, даже на убийство и изнасилование!

– Скажешь тоже!

– Может, поспорим?

– В смысле?

– Я ставлю на Мирского... пусть будет – десять тысяч. Твоя ставка?

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Тогда я – столько же.

– Не, подруга, деньги мне не нужны!

– А что?

– Бессонов.

– Не поняла?

– Если ты проиграешь, сведешь меня со Стасом: хочу заказать ему балет. У меня даже идейки кое-какие есть... Ну, по рукам?

Подписав необходимые документы, Рита собралась уходить, но Байрамов остановил ее вопросом:

– Послушай, Марго, долго это будет продолжаться?

– Ты о чем?

– О наших с тобой, с позволения сказать, отношениях...

– Не надо! – предупреждая вскинула руку Рита: второго разговора об этом предмете она не переживет – мамы вчера хватило выше крыши! – Сейчас неподходящее время.

– А когда будет подходящее? Я не давя, как ты и просила, но я не могу ждать вечно!

– А если я хочу посмотреть, как долго ты сможешь ждать?

– Это твой боксер, да? – спросил Игорь, понижая голос. – Тот, из Турции?

– Миша? – удивленно переспросила Рита. – Он-то тут при чем?

Они иногда перезванивались, чисто по-дружески, но вся жизнь Михаила была в Турции, и он не собирался переезжать. Как, собственно, и она: то, что случилось в той стране, будоражило чувства и на тот момент было ей необходимо, но сейчас казалось таким далеким и нереальным, что Рита искренне удивилась при звуке его имени.

– Значит, не он... Тогда кто – Бессонов? Нет, не может быть, ведь вы только встретились!

– Прекрати! – предупредила она. – Я буду думать столько, сколько сочту нужным, а ты... Ты делай что хочешь!

– Я не видела Марка недели три, – заявила Анна Поморкина, ставя бокал с мартини на полированный столик, чья поверхность блестела, словно зеркало. Рита подумала: а не рано-вато ли для алкогольных напитков, ведь всего одиннадцать утра? Похоже, Поморкина имеет привычку начинать день с выпивки! Если так пойдет и дальше, придется прибегать к услугам пластических хирургов раньше, чем обычно принято. Рита знала, что Анне нет тридцати, и потому она выглядит хорошо, даже сейчас, без макияжа, но время не щадит и тех, кто относится к собственному организму с пиететом.

Они находились в просторной гостиной на Петроградке, стены которой были увешаны фотографиями Поморкиной. На всех запечатлелась Анна – в разных ракурсах и позах, в сценах из фильмов и на страницах глянца. Рита знала, что она актриса, причем довольно известная, если верить гламурным журналам. Правда, Рита не видела ни единого фильма или сериала с участием девушки, хотя лицо Поморкиной то и дело мелькало в ток-шоу и на артистических тусовках. В наши дни, приходится признать, знаменитостями становятся те, кто часто появляется в «ящике», а не те, кто является выдающимся представителем какой-то области искусства или культуры.

Тонкие пальцы Анны, унизанные бриллиантовыми кольцами, нервно теребили тонкую ножку бокала, и Рита поймала себя на мысли, что девушка может ненароком сломать ее и порезаться. Кажется, Поморкина нервничает – может, зря она составила о ней нелестное впечатление прямо с порога?

– Так он не звонил? – спросила удивленная Рита: в прессе писали, что эта парочка – неразлейвода в последние полгода. Неужели любовь может быть настолько быстротечной?

– Нет, – последовал ответ. – Марик собирался съездить отдохнуть...

– Один?

– У меня съемки – график, понимаете? А у него как раз нарисовался просвет.

– И куда же подался ваш бойфренд?

– То ли на Мальдивы, то ли в Таиланд.

– То есть вы даже не в курсе?

– Мы не обсуждали направление. Знаете, мы мало разговаривали после того, как Марик расплевался с Мирским: с ним абсолютно невозможно было общаться, он взрывался от каждой неосторожно брошенной фразы!

– Саблин так переживал?

– А вы как думали? – нахмурилась Поморкина. – Его унизили перед всей группой!

– Как это – унизили?

– Вы считаете, что когда кто-то, не являющийся оперным певцом, метит на место профессионала, это не унизительно?

– Вы о Бессонове?

– О ком же еще!

– Но его взяли в группу только потому, что Саблин ушел...

– Да что за глупости – никуда Марик не уходил! – перебила девушка. – Он хотел только дать понять, что Мирскому придется его еще поугаваривать... Думаете, он не мог спеть эту дурацкую песню – тоже мне, кабалетта Арнольда!

Поморкина, оказывается, неплохо знает оперу: то, что кабалетта Арнольда из оперы Россини «Вильгельм Телль» является одной из сложнейших теноровых партий, дилетантам обычно неизвестно. Однозначно Саблин, с его невеликим голосом, не мог ее исполнять – значит, актриса знала это и сама, без его подсказок.

– Но Борис сказал... – начала она, однако Анна вновь перебила:

– Мало ли что сказал Мирский! Марик бы немного потренировался, и все получилось бы.

– Он же не...

– Да, не пытался, потому что Жуков и Метревели подняли его на смех! Они говорили то же, что и Борис, – дескать, Бессонов умеет петь лучше него, хотя и не зарабатывает этим на жизнь. Считаете, приятно такое о себе услышать?

– Уверена, что нет, – согласилась Рита. – Значит, говорите, Марк не связывался с вами с тех пор, как уехал?

– Не-а.

Актриса подошла к буфету, достала оттуда початую бутылку и вновь наполнила бокал.

– Вы пробовали ему звонить?

– Телефон выключен.

– А в полицию заявить?

– Зачем? – пожала плечами Поморкина. – Чтобы надо мной все потешались, когда Марк наконец объявится?

– Послушайте, Анна, вам не кажется, что вы ведете себя странно? Пропал ваш любимый человек – то ли уехал, то ли что, – а вы даже никого в известность не поставили!

– Ну, видите ли, все не совсем так, – сморщила носик актриса. – Мы... немного поцапались с Мариком перед отъездом. Вообще-то на него это похоже – слинять подальше, затаиться на время. Я думала, он поразмыслит, придет в себя, отдохнет и приползет обратно – так всегда бывало, когда мы ругались!

– Простите, что спрашиваю, но я вынуждена: что послужило причиной вашей ссоры?

– Мой длинный язык, – горько усмехнулась Анна. – Марик пытался спеть песню Бессонова, и я слышала, как ее поет Стас – на его компьютере. Это было классно! И я, дура, сказала об этом Марику.

– Как он отреагировал?

– Догадываетесь! – скривилась актриса. – Нельзя такое говорить – никогда нельзя такое говорить творческому человеку, у которого временные трудности. Наоборот, надо было поддержать его, а я...

Поморкина театрально вздохнула и занюхала выпивку кусочком тонко нарезанного лимона, лежащего на блюде. Расстройство Анны выглядело неубедительно. В комнате, наполненной снимками девушки, не оказалось ни одного, где они были бы вместе с Марком. Конечно, это ни о чем не говорит, ведь все актеры в определенной степени эксгибиционисты и больше всего внимания уделяют именно себе, любимым. И все же удивительно, что достаточно продолжительные отношения с Саблиным не нашли отражения на стенах гостиной актрисы. Однако то, о чем говорила Анна, имело смысл. Будучи женой танцовщика и хореографа, Рита понимала, каково это, когда твой партнер находится в состоянии неудовлетворенности собой – в такие минуты к Байрамову лучше было не приближаться на расстояние пушечного выстрела, поэтому Рита, едва завидев на его лице признаки грядущей грозы, старалась слиться с окружающей средой. Мог ли Марк Саблин, пребывая в подобном состоянии, устроить коллегам «веселую жизнь»? Ответ напрашивался сам собой – конечно. Но стал бы он делать это, собираясь вернуться?

– Анна, скажите, насколько хорошо Марк владеет компьютером? – задала Рита необходимый вопрос.

– А почему вы спрашиваете?

– И все-таки...

– Ну, хорошо вроде, – пожала плечами актриса. – Во всяком случае, лучше меня – я только почту умею проверять да «ВКонтакте» сидеть... А Марик вел собственный блог, создал личную страницу в Интернете, где каждый день общался с поклонниками.

– А где его компьютер сейчас – он взял его с собой на отдых?

– Понятия не имею! Но не думаю, ведь это означало бы каждый день читать о себе и о Бессонове, а Марик хотел голову освободить. Кстати, он до сих пор квартиру снимает, хотя и проводит здесь большую часть времени... А как ноутбук поможет его отыскать?

– Так он может находиться в той его квартире?

– Светик, мне срочно нужен компьютерный умник! – врываясь в кабинет, сообщила Рита своей помощнице.

Девушка оторвала взгляд от раскрытой папки, лежащей перед ней на столе. Крошечная, особенно по сравнению с рослой, спортивной Ритой, худенькая, она напоминала богомола своими угловатыми коленками и локтями, но больше всего – огромными глазами, всегда выглядевшими удивленными.

– Кира сегодня в институте, – ответила Светлана. – Может, я посмотрю?

– Боюсь, тут ни ты, ни даже Кира не разберется! – покачала головой Рита. – Мне нужно выяснить, кто гадит на сайте группы Black'n'White...

– Что вы говорите? – переспросила девушка. – Какой группы?

– Black'n'White. А что такое, ты их знаешь?

– Но... они что, к нам обратились?!

– Ну да, обратились – извини, не успела тебе рассказать. Не думала, что тебе известно это название – группа только-только начала раскручиваться! Они вчера приходили, поздно вечером.

– То есть, и... Павел Жуков приходил, да?

– И он, разумеется, тоже, – ответила Рита, удивленная такой странной реакцией. – Вы знакомы?

– Я – с Жуковым? Да вы что, Маргарита Григорьевна, какое там! Просто... – и тут Рита заметила, что белое, как молоко, веснушчатое личико Светы заливается багрянцем.

– А-а, так ты, выходит, его поклонница? – улыбнулась она. – Тогда тебе повезло: полагаю, нам еще предстоит встретиться с ними со всеми! Но даже если нет, я возьму для тебя автограф Жукова, обещаю. А теперь напряги-ка свой мозг и скажи, к кому из твоих многочисленных знакомых мы можем обратиться за помощью!

– Так к дяде Толе же!

– Что еще за дядя Толя?

– Мамин брат. Он – настоящий гений по части компьютеров, работает в «Мегафоне» начальником по кибербезопасности.

– Отлично! – обрадовалась Рита. – Можешь с ним связаться?

– А то!

– А вот с этим, думаю, мы и сами справимся, – добавила Рита, кладя на стол ноутбук, добытый в квартире Саблина.

Как и обещала, Анна впустила ее в дом любовника, в котором он не жил, но сохранял за собой, продолжая платить аренду. «Мужчине нужна собственная берлога, – сказала актриса, когда Рита поинтересовалась, зачем зря тратить деньги, если они – пара. – Я не против: иногда с Мариком невозможно иметь дело, и тогда самое лучшее, чтобы он исчез и остыл!»

По толстому слою пыли на мебели было очевидно, что Саблин давно здесь не появлялся – видимо, с тех самых пор, как поругался со своей девушкой. Это показалось Рите странным, правда, оставалась еще одна возможность, обсуждать которую с Поморкиной, скорее всего, не стоило, – другая женщина. Но почему Саблин не зашел за вещами? Рита спросила у актрисы, чего не хватает в гардеробе певца, но та отвечала неуверенно, словно понятия не имела, что он обычно носит или берет с собой на отдых. Чемодан Марка, что примечательно, также обнаружился в стенном шкафу. Неужели он отправился в поездку налегке?

Пока Света подключала компьютер к электросети, Рита вкратце поведала ей о деле Black'n'White.

– Что конкретно мы ищем? – спросила девушка, готовая к работе.

– Почту Марка Саблина: надо выяснить, не он ли гадости по электронке отправлял своим коллегам! Да, Анна сказала, что у него айфон: сможет твой дядя...

– Конечно, сможет! – перебила Света. – Если Саблин пользовался своим аппаратом, дядя Толя узнает... Так, в «недавних документах» что-то есть!

Она вывела на экран два сообщения, в которых Рита узнала те, что были получены членами группы.

– Это что – все? – удивилась она.

– Все, что я сумела найти, – пожала плечами Светлана. – Поищу еще его почтовые ящики... Вы случайно не знаете, у него «Яндекс» или «МэйлРу»?

– Да откуда, бог с тобой!

– Ладно, посмотрим в «настройках»...

– Знаешь, что меня несколько сбивает с толку? – пробормотала Рита, пока помощница рылась в ноутбуке Саблина. – Чтобы сделать то, что сделано на сайте группы, на их личных страницах и в телефонах, необходимо обладать определенными навыками, верно?

– Конечно, – согласилась Света. – Дядя Толя точно на такое способен, но чтобы артист...

– Пара писем с ругательствами – оно понятно, – продолжала рассуждать Рита, – мсть обиженного человека и все такое. Но для того, чтобы рассылать оскорбительные послания друзьям и семьям, блокировать звонки и прочее, – для этого нужно разбираться в технике! И потом, насколько я понимаю, у Марка даже повода нет для мести: Борис Мирский вовсе не собирался с ним расставаться, и Стаса взяли в группу только потому, что Саблин ушел, хлопнув дверью. Что было делать Мирскому?

– Ладно, не парьтесь, Маргарита Григорьевна, – сказала Света. – Я тут немного покопаюсь самостоятельно, а потом дядю Толю вызвоню – он разберется!

Рита уже собиралась вставать, когда зазвонил сотовый.

– Марго, это Мирский!

Представляться не было необходимости – она записала его телефон, когда продюсер звонил в первый раз.

– Что-то еще случилось? – спросила она.

– Еще? Телевизор включите, НТВ!

Рита вскочила и кинулась из кабинета помощницы в смежный. Там она схватила лежавший на столе пульт и врубила «ящик», сразу переключив на требуемый канал. На экране возник известный телеведущий. С сочувственным выражением лица он слушал пожилого мужчину с явными следами пропитых лет на лице.

– Так вы говорите, уважаемый Нурлан Хамзатович, что сын не поддерживает вас материально? – задал он вопрос, прерывая поток нечленораздельных жалоб. – Даже сейчас, когда он хорошо зарабатывает?

– Кто это? – поинтересовалась Света, входя.

– Забыл, забыл меня сынок! – подвывал пропитой старик. – А ведь я его растил, оплачивал, понимаешь, учебу в музыкальной школе...

Бегущая строка на экране гласила: «Известный певец Вельяшев бросил больного отца без помощи и поддержки! Если у вас есть возможность помочь заслуженному пенсионеру, просьба звонить в студию по телефону...» – дальше шли стройные ряды цифр.

– Невероятно! – выдохнула Рита. – Все одно к одному – так не бывает!

Большая глиняная чашка с болтающимся снаружи «хвостиком» от чайного пакетика со стуком приземлилась на стол перед Ритой. Обычно она не пила пакетированный чай, но не

могла обидеть Женьку, поэтому приняла напиток со словами благодарности. Ее приятель из следственного комитета мог позволить себе любой заварной сорт, но Фисуненко никогда не отличался требовательностью – удивительно, как мало ему нужно от жизни: всего-то возможность не умереть с голоду и продолжать ловить злодеев! Наверное, только благодаря таким людям земля еще вращается.

– Знаешь, старуха, хоть мы с твоим благоверным и являемся идейными противниками, но тут, на мой взгляд, он прав! – сказал Женька, присаживаясь на краешек выдавшего виды стола из ДСП.

– Ты что сейчас имеешь в виду? – решила уточнить Рита.

– Зуб даю, это дело рук... как там его – Мирского?

– Не слишком ли сложно? – скептически скривилась она.

– Не скажи, мать, не скажи: в ваших кругах все средства хороши!

– В каких таких «наших» кругах-то?

– В богемных, чтоб их...

– А если все-таки нет? – упрямо возразила Рита. – Между прочим, человек пропал!

– Ты про Саблина, что ли? Мужик с бабой своей поссорился – эка невидаль! На работе проблемы, в личной жизни все не слава богу – вот и уехал в отпуск, так сказать, проветриться.

– Ага, три недели отсутствует, дома не появлялся, на мебели пылица в палец толщиной!

– Это лишь говорит о том, что твой Саблин – не самый ярый поклонник чистоты!

– Саблин – вовсе не мой! – возмутилась она, но Фисуненко отмахнулся от ее слов, как от назойливого насекомого.

– Может, – продолжал он, – он и нагадил коллегам с телефонами и компьютером – в любом случае я тебе здесь не помощник, так как разбираюсь в технике, как свинья в апельсинах... Мирский же обратился в отдел киберпреступлений, так?

– Но ему сказали...

– А раз ему так сказали, – снова перебил Женька, – чего ты от меня-то ждешь? Ты мне труп предъяви или записку с требованием выкупа, тогда и поговорим!

– Тьфу-тьфу, скажешь тоже – труп... Ну хорошо, с техникой мы как-нибудь разберемся, но ты можешь хотя бы по своим каналам «пробить», куда вылетал Саблин примерно три недели назад и вернулся ли?

– Это я могу, – кивнул бывший однокашник. – Еще приказания будут, госпожа начальница? А то мы тут, понимаешь, без дела ржавеем!

– Я понимаю, что ты занят...

– Короче, Склифосовский!

– Ладно. Может, подскажешь из опыта, как остановить поток гадостей из СМИ? Ребята нервничают, они ведь только-только начали!

– Если тебе из моего опыта надо, подруга, то – забудь.

– Как это?

– Да вот так: покуда все дерьмо из этой канализационной трубы не выльется, репортеры не успокоятся – у нас свобода слова. Они вполне способны откопать какую-нибудь твою неудовлетворенную жизнью подругу, заплатить ей денежку, и она со смаком расскажет, как ты в первом классе начальной школы увела у нее любовь всей ее жизни. Подай в суд – потратишь кучу денег, времени и нервов (сама ведь бывший адвокат, понимаешь, о чем я), чтобы в результате получить произнесенные сквозь зубы извинения и смехотворный штраф – оно тебе надо? Мой совет: дай нечистотам излиться и помалкивай. В конце концов, как говорится, любой пиар хорош, кроме некролога!

– Что ты, «некролог» мы уже проходили!

– Да ну?

– Оказывается, вчера группа Black'n'White погибла в полном составе!

- А ты проверяла – вдруг правда?
- Утром звонил Мирский, и ему об этом ничего не известно!
- Значит, похороны отменяются?
- Тьфу-тьфу-тьфу! Это все, что ты можешь сказать?

– Нет, не все. Согласен – в том, что это происходит, ничего хорошего нет, но и ты пойми: здесь не за что зацепиться! По-моему, сейчас не стоит предпринимать никаких шагов: если действует сумасшедший поклонник, он рано или поздно успокоится или проявит себя более агрессивно – вот тогда-то мы его и возьмем за бока. Если прав твой благоверный и зачинщик данной «кампании» сам Мирский, то все само рассосется, как только он почувствует, что цель достигнута. Ну и если все-таки эту дурацкую игру затеял временно отсутствующий Саблин, то он тоже либо устанет и прекратит, либо сотворит нечто более существенное, нежели до сих пор, и тогда...

– Мы «возьмем его за бока», – закончила Рита со вздохом. – Ясно.

– Ну не расстраивайся: про поездку вашего певуна я выясню, можешь не сомневаться! Если появится что-то новенькое, что, как говорится, можно пришить к делу, – милости прошу, помогу по благу.

После Женькиного «чая» Рите потребовался хороший кофе, поэтому она присела в уличном кафе и в ожидании заказа решила проверить телефон. Там было несколько сообщений и ММС от Светланы. Открыв его, она увидела фотографию себя и Бессонова, под которой значилась подпись: «Маргарита Синявская с братом». Света снабдила ММС собственным сообщением: «Это – фото с фан-сайта вашего мужа, помещено сегодня, в половине второго ночи».

– Ах ты ж маленькая ведьма! – пробормотала Рита.

– Что, простите?

Вскинув глаза, она встретила взглядом с официанткой, принесшей ее американо и банановый фрэш.

– Это я не вам, простите! – поспешила извиниться Рита.

Девушка отошла, оглядываясь.

Значит, девчонка из кафе каким-то образом умудрилась сфоткать их со Стасом, а они даже не заметили? Вот ведь зараза, проигнорировала ее слова о том, что музыкант – вовсе не ее брат!

Но в данный момент у нее имелись дела поважнее, поэтому Рита решила поразмыслить над неожиданно возникшей проблемой позднее. Потягивая фрэш вперемешку с кофе, она набрала Бориса.

– Новости есть? – сразу спросил он.

– Пока нет, но мне нужно переговорить с вашим Вельяшевым, прежде чем я отправлюсь на телевидение.

– Мы сняли репетиционный зал на Васильевском и сейчас как раз туда едем.

– Я могу подъехать через полчаса.

– Адрес диктовать?

– Диктуйте.

Рита знала, что в Питере существуют компании, сдающие в аренду залы – в основном танцевальные, но есть и те, в которых могут репетировать ансамбли и даже камерные оркестры. Один из таких снял Мирский для своих подопечных. На проходной Риту встретила улыбающаяся темноволосая девушка, представившаяся администратором группы Беллой. Она пригласила гостью следовать за собой, но уже через пару минут Рита поняла, что и сама нашла бы нужное помещение: звуки музыки обозначили ей путь. Войдя в полутемный зал, Рита увидела сидящего к ней спиной Бориса и нескольких музыкантов у полукруглой сцены, на пару десятков сантиметров поднятой над полом. На сцене сидели на высоких стульях ребята из

Black'n'White. Она сразу узнала песню – ту самую, которая стала камнем преткновения в отношениях группы с Марком Саблиным. Рита прослушала Il Gabbiano, или «Чайку», вместе с несколькими другими произведениями, исполняемыми группой, в тот же вечер, когда ее посетили Black'n'White, чтобы составить представление об их творчестве. «Чайка» была, пожалуй, одной из самых красивых композиций, какие она когда-либо слышала. Низкий бас-баритон Бесо походил на густое оливковое масло, льющееся из узкого горлышка, тогда как более мягкий и высокий драматический баритон Андрея напоминал бурный горный поток, бегущий по камням. Жуков, чей лирический баритон обладал ровным, устойчивым тембром практически без вибраций, прекрасно дополнял это трио, но когда вступил Стас, Рита застыла, не успев опуститься на стул позади Мирского. Звонкий, «гладкий» и наполненный тенор взлетел под потолок, как та самая чайка, свободно парящая над грозными волнами даже в самый сильный шторм. Голос, словно отпущенная на волю птица, рвался все выше и выше, кажется, на пределе человеческих возможностей, и Рита поймала себя на мысли, что человек не может так беспечно играть своими связками. Марк Саблин обладал неплохим тенором и в окружении сильных партнеров, каковыми являлись остальные члены Black'n'White, смотрелся очень даже недурственно, однако Il Gabbiano со всей ясностью продемонстрировала, что ему надеяться не на что – во всяком случае, в этом конкретном произведении.

Когда сонм четырех голосов постепенно сошел на нет, утонув в звуках музыки, Рита вдруг поняла, что все это время не дышала, и шумно втянула ртом воздух. Мирский обернулся.

– А, это вы! – с облегчением пробормотал он. – Быстро добрались. Подождете?

– Запросто!

Все еще под впечатлением, Рита опустилась на сиденье рядом с продюсером: схожие чувства она испытывала, когда Игорь Байрамов танцевал особенно сложную партию. Создавалось впечатление, что он балансирует на канате, натянутом между горными вершинами, и вот-вот тело может подвести, и его обладатель сорвется в пропасть. Рита случайно поймала мимолетную улыбку Стаса – больше ничем он не показал, что заметил ее присутствие. Ребята «прогнали» еще несколько песен, некоторые из которых она отлично знала, так как слышала в исполнении других певцов. Полчаса спустя Мирский объявил перерыв.

– Ну как мы вам? – поинтересовался Бесо, весело сверкая темными глазами. Он отлично знал, какое впечатление они должны были произвести, но то ли из тщеславия, то ли для установления дружеского контакта желал услышать слова. И Рита его не разочаровала, рассыпавшись в похвалах. Мужчины определенно получали удовольствие, слушая ее дифирамбы, но Борис прервал поток Ритиногo красноречия, сказав:

– Давайте к делу, ладно? Марго, вы сказали, что вам нужен Андрей – вот он. Я пошел пить кофе, а вы... – он обвел орлиным взором присутствующих, – ну, вы можете делать что пожелаете минут двадцать.

– Рабовладелец! – добродушно пробурчал Бесо вслед удаляющейся спине продюсера. – Я, пожалуй, выпью чайку. Стас, ты со мной?

Бессонов молча кивнул.

– А мне нужно позвонить, – сказал Жуков.

Оставшись наедине с Вельяшевым, Рита сказала:

– Вы уж меня извините, Андрей, но после той передачи я вынуждена...

– Да бросьте, Марго, я все понимаю! Вы делаете свою работу, так что без обид. Что вас интересует?

– Что там за история с вашим брошенным отцом?

– Вот ведь, понимаете, не знаю – то ли в суд на канал подать, то ли что... Какой он отец-то? Мать лишила его родительских прав, когда мне и трех лет не исполнилось!

– В передаче об этом – ни слова, – заметила Рита.

– Разумеется, ведь им нужна сенсация, а не правда!

Она видела, что Андрей едва сдерживает гнев.

– Я видел своего так называемого папашу несколько раз в жизни – и, между прочим, все эти разы случились, когда я приобрел некоторую известность. По непонятной мне причине этот человек решил, что я чем-то ему обязан, а потому должен дать денег. Естественно, я отказывал, и ему, очевидно, надоело канючить, вот он и прибег к последнему, так сказать, аргументу – поперся на телевидение!

– И как давно вы в последний раз...

– Где-то года полтора назад. С тех пор он глаз не казал. Мама даже не знала о том, что он ко мне подкатывал, а после той гребаной передачи она позвонила и чуть ли не в истерике билась! Этот гад бросил ее с тремя детьми и ни разу не соизволил выяснить, как мы там, живы ли еще. Суд назначил алименты, но он не платил, а ведь в те времена занимал хорошую должность, работая в сфере ЖКХ... Короче, теперь он решил меня достать через СМИ – вот и вся история! Вы же бывший адвокат – как считаете, могу я подать иск на телеканал?

– На канал вряд ли, а вот на отца вашего – вполне. Только надо ли вам это, ведь он все равно не сумеет заплатить за клевету, находясь в своем теперешнем положении?

– Так что же, позволить и дальше поливать меня грязью? – нахмурился певец.

– Думаю, наилучшим выходом для вас будет самому появиться на ток-шоу и опровергнуть слова отца.

– А это не будет выглядеть, как будто я оправдываюсь?

– Мне так не кажется. А еще я считаю, что ведущий программы только счастлив будет, если вы придете! Я намерена посетить его и поболтать о том, как он вышел на вашего батюшку. Хотите, чтобы я предложила ведущему пригласить вас?

Вельяшев задумался ненадолго.

– Хорошо, – вздохнул он наконец. – Вы сталкивались с такими проблемами раньше?

– Постоянно, – улыбнулась Рита. – Сначала – с отцом, потом – с Игорем. Знаете, это нормально: когда живешь на виду, появляется много доброжелателей и поклонников, но есть и те, кто ненавидит без всякой причины, или те, кто хочет на тебе заработать. Вы ведь не станете кривить душой, говоря, что не желаете славы?

– Не стану, – согласно кивнул он. – Я десять лет в опере, но главных партий не пел – из Мариинки солисты уходят только вперед ногами или после скандала с начальством, поэтому я понимал, что, пока мне по меньшей мере сорок не стукнет, ничего не изменится. И вот появляется Борис, мы снимаем один-единственный клип, и – о чудо! – мне предлагают петь Альмавиву в родном театре и Эскамильо – в Большом, и мне только тридцать пять! Неожиданно у меня появился выбор, а ведь есть еще Black'n'White, мой основной проект на сегодняшний день... Борис об этом предупреждал, говорил: сначала ты борешься с волнами, а потом, в какой-то момент, тебя уже просто несет течением вперед и вперед...

«Как, однако, поэтично!» – отметила про себя Рита, но вслух не произнесла ни слова, пораженная неожиданной откровенностью Вельяшева.

– Это же хорошо! – сказала она. – Перед вами открывается перспектива, которая многим и не снилась!

– Вы правы, – согласился певец. – Она и мне не снилась, пока я не познакомился с Борисом. Он не самый легкий в общении человек и порой чересчур давит на нас, но, с другой стороны, ему виднее – по крайней мере, никто до сих пор не сумел сделать для меня того, что сумел Мирский!

Выходя из зала, Рита столкнулась со Стасом.

– Я никогда не слышала, как ты поешь, – сказала она, дотрагиваясь до его руки. – Просто не представляла, как ты хорош!

– Видишь ли, это не совсем то, чем мне нравится заниматься, – покачал головой Бессонов.

– Жаль, что ты так считаешь! А вот Байрамов все твою «Роксолану» вспоминает...

– Почему?

– Ну он ведь хотел ее у тебя купить. Ты не знал?

– Откуда? Я продал ее первому, кто обратился, – мне тогда очень деньги были нужны.

– Послушай, а ты бы не отказался поработать с Игорем?

– С Байрамовым – шутишь? – Стас просиял. – Да хоть сейчас!

– Ты занят... – начала Рита, не уверенная, что стоило начинать разговор. Она не восприняла пари серьезно, но, с другой стороны, два таких талантливых парня, как Байрамов и Бессонов, работая вместе, могли бы создать нечто потрясающее, и кто она такая, чтобы мешать их сотрудничеству?

– Не так уж я и занят, – сказал Стас. – В течение следующих двух дней мы будем в Кронштадте – Борис решил клип сляпать на «Чайку». Потом вернемся, и я могу встретиться с твоим мужем. Что скажешь?

– Великолепно!

– Ты сейчас куда?

– На телевидение: надо разобраться, кто вытащил папашу Вельяшева из его норы на свет божий.

– Уверена, что надо?

– В смысле?

– Может, оставить все как есть? Покричат-покричат – и успокоятся.

– Ты бы промолчал?

– Я? Однозначно! Если тратить силы на таких людей, их не останется, чтобы продолжать жить.

Бессонов рассуждал так же, как Женька Фисуненко, но Рита не намерена была сидеть сложа руки: зло, в каком бы обличье оно ни проявлялось, должно быть наказано, и она собиралась воплотить этот принцип в жизнь.

Редакция программы «Только правда» располагалась в центре города, и добраться туда Рита смогла только к пяти: пробки держали ее в плену добрых полтора часа. Еще минут сорок заняли переговоры с различными людьми, включая бдительного охранника на проходной, который пытался объяснить посетительнице, что она не может пройти внутрь, если ей не назначено. Наконец она оказалась в кабинете ответственного редактора по имени Прохор Лукашенко, плюгавого лысого человечка, возраст которого определению не поддавался.

– Мне сказали, вы адвокат Вельяшева? – уточнил Лукашенко, когда Рита уселась на стул напротив него. – Ума не приложу, что могло понадобиться адвокату...

– А вы подумайте хорошенько, – перебила Рита, зная, что в подобных обстоятельствах нужно действовать напористо, не позволяя перехватить у себя инициативу. – Вспомните ваш недавний «шедевр» о потерянном отце и попытайтесь представить, как будет выглядеть опровержение в прямом эфире!

– Видите ли, Маргарита...

– Григорьевна.

– А мы с вами случайно нигде не встречались?

– Если только в зале суда, – отрезала она, опасаясь, как бы редактор не сложил два и два. Она постаралась сделать все, чтобы остаться неузнанной – зализала волосы при помощи геля, оделась в дорогой, но малоприметный серый костюм, совсем не использовала косметику и даже не назвала свою фамилию на проходной – может, повезет и Лукашенко не признает в ней жену Игоря Байрамова?

– Маргарита Григорьевна, вы же понимаете, в задачу нашей передачи входит донести до заинтересованных зрителей только правду, – продолжал между тем Лукашенко. – Мы честно пытались связаться с Андреем Вельяшевым, но не смогли...

– Зато смогли с его так называемым отцом! Ваша передача ведь называется «Только правда»? Интересно, что подумают телезрители, узнав, что вы нагло врете?

– Помилуйте, Маргарита Григорьевна, в чем же ложь – разве Нурлан Хамзатович Вельяшев не приходится родным отцом Андрею?

– Биологическим отцом, – поправила Рита с нажимом. – Это, как вы понимаете, не одно и то же! Если бы взяли на себя труд действительно выдать в эфир всю правду, то не удовлетворились бы жалостливым рассказом старого неудачника, бросившего жену и детей и не заплатившего за все время ни копейки алиментов. Теперь, оказавшись на дне общества, ваш Нурлан Хамзатович решил заработать на сыне, у которого, несмотря на тяжелое детство, все сложилось удачно! Между прочим, он упомянул о том, что тридцать лет назад был лишен родительских прав, а потому не имеет права называться отцом ни Андрея, ни его сестер?

– Н-нет, об этом как-то... – задумчиво пробормотал Лукашенко. – Послушайте, Маргарита Григорьевна, я признаю, что мы несколько, гм... поторопились выдать информацию в эфир. А что, если мы исправимся?

– Уверена, суд...

– Ну зачем же сразу суд? – мягко прервал ее редактор. – Давайте так: что, если вы попытаетесь уговорить Андрея прийти к нам на передачу? Он расскажет свою версию, и все, как говорится, встанет на свои места!

– Не знаю, не знаю, – делая вид, что размышляет, покачала головой Рита. Именно этого хотел Андрей – рассказать собственную версию событий, но у редактора должно сложиться впечатление, что это ему оказывают услугу, поэтому она старательно морщила лоб, изображая раздумья.

– Мы готовы оплатить ваше участие! – решив, что проблема в деньгах, добавил Лукашенко, с надеждой глядя ей в глаза, как пес, желающий заполучить угощение.

– Спасибо, мне хорошо платят! Ладно, уговорили: я сделаю все возможное, чтобы убедить моего клиента, но и вам придется кое-что сделать для него.

– Все, что угодно! – радостно развел руками редактор, будто стараясь обозначить размеры возможной благодарности.

– Мне нужен тот, кто «навел» вас на горе-папашу Вельяшева.

– Простите, Маргарита Григорьевна, но мы не выдаем свои контакты, мне очень жаль!

– Тогда, боюсь, с программой ничего не выйдет.

– Зачем вам этот человек? Мы можем пригласить самого Нурлана Хам...

– Ни в коем случае! – перебила Рита. – Возможно, побоище в прямом эфире и поднимет вам рейтинг, но вот нам оно вовсе не нужно. Я... вернее, Андрей Вельяшев хочет знать, кто «слил» вам информацию о его биологическом отце.

– Но дело в том, что я понятия не имею, кто!

– Ну да, конечно!

– Нет, правда-правда! Видите ли, младший редактор получила телефонный звонок. Анонимный.

– Вы реагируете на анонимные звонки? – удивилась Рита.

– Волка ноги кормят, – пожал плечами Лукашенко. – Естественно, все зависит от того, имеет ли смысл рисковать. В случае с Вельяшевым этот смысл явно был, ведь он – наша новая «звезда», один из четырех талантливых ребят из Black'n'White. Кроме того, зрительский интерес подогревает смена солиста. Кстати, мы пытались разыскать Марка Саблина в надежде на интервью, но пока не смогли его обнаружить. Вы случайно не в курсе...

– Давайте вернемся к нашим баранам, Прохор, – попросила Рита, не желая позволить редактору перехватить инициативу. – Аноним?

– Ах, ну да... Короче, на тот момент ничего интересного накопать не удалось, за исключением парочки «звездных» свадеб. Эта тема всем уже порядком приелась, и мы подумали, что внезапно объявившийся несчастный отец знаменитого певца – настоящий джек-пот! Если, конечно, информация окажется правдивой. Звонивший назвал адрес ночлежки, где мои помощники отыскивали Нурлана Вельяшева. Ну а дальше вы сами знаете.

– Вы не пытались выяснить личность анонима?

– Пытались. Младший редактор перезвонила ему, но робот сообщил, что такого номера не существует.

– Вам это не показалось странным?

– Да какая, к дьяволу, разница? Нам в руки сам шел отличный материал, и не было смысла нос воротить! Кроме того, это ведь правда – ну он биологический отец и все такое...

– Мне нужны координаты ночлежки.

– Вельяшевской? Ради бога, мне не жалко! Только надо мою помощницу найти. Все сведения у нее, а сам я гол как сокол!

Риту разочаровал визит на телевидение: ей казалось, что удастся получить необходимую информацию без особых проблем, но теперь предстояло приложить дополнительные усилия. К счастью, у нее хотя бы есть адрес ночлежки, где часто обретается Нурлан Вельяшев, так что совсем уж бесполезной поездку не назовешь.

Войдя в офис, она увидела за столом Свету, Киру и мужчину лет сорока пяти с роскошными, ухоженными усами, какие в наши дни редко встретишь, а потому они невольно привлекали внимание на, в общем-то, обыкновенном, но не лишенном приятности круглом лице их обладателя.

– О, Маргарита Григорьевна! – воскликнула Светлана, вскакивая. – Я как раз говорила дяде Толе, что вы скоро подойдете!

– Так это и есть дядя Толя? – глядя на усача, уточнила Рита.

– Можно без «дяди», – улыбнулся мужчина и пожал протянутую ей руку. – Просто Анатолий.

– Тогда я просто Рита. У вас есть для нас что-то?

– К сожалению, немного. Ваш парень – отличный спец, он умудрился пропустить свои «художества» через серверы в Латинской Америке и Китае, так что отследить, откуда первоначально они исходили, не представляется возможным.

– Что, совсем ничего нельзя сделать? – расстроилась Рита.

– Можно попробовать его запеленговать, когда он снова включит компьютер или телефон для того, чтобы связаться с гаджетами ребят из группы, – пожал плечами Анатолий. – Но надежда небольшая, так как нет уверенности, что он не воспользуется, скажем, компом в интернет-кафе или одноразовым телефоном... или еще чем-нибудь: похоже, он чертовски изобретателен! Я только одного понять не могу: если он такой классный взломщик, то почему до сих пор не попытался взлезть в банковские счета ваших клиентов? Это ведь первое, что приходит в голову!

– Может, у них и нет никаких счетов?

– Если так, то все в порядке. Но я посоветовал бы вам предупредить их не открывать новых, по возможности не пользоваться банковскими картами и не осуществлять денежные переводы: скорее всего, бабки растворятся в интернет-пространстве. Как утренний туман!

– А что, если хакеру нужны не деньги? – встрял в разговор Кира.

– Что же ему нужно?

– Может, контроль? Над личной жизнью членов Black'n'White, над всем, что они делают...

– Ты хочешь сказать, что его задача – превратить их существование в ад, заставить бояться собственной тени?

– Почему бы и нет?

– Но для этого надо быть совершенно отмороженным!

– Ой, думаете, мало таких? – вмешалась Светлана. – Вы, Маргарита Григорьевна, дали мне задание связаться с модератором официального сайта Black'n'White, и я все утро этим занималась.

– Удалось что-то?

– Да как сказать... Как вы понимаете, в его обязанности входит отслеживать информацию, размещаемую на сайте, в том числе и послания разного рода. Если в них содержится, к примеру, нецензурная лексика или если он сочтет их угрожающими, модератор удаляет соответствующий контент.

– То есть его невозможно прочесть?

– Ну почему же невозможно? – усмехнулся Анатолий. – Я как раз собирался отъехать к этому самому модератору, когда вы пришли: попробуем что-нибудь выудить из оборудования!

– Вы меня очень обяжете! – обрадовалась Рита. – Не сомневайтесь, ваш труд будет оплачен...

– Да я просто услугу племяшке оказываю, – отмахнулся компьютерщик. – Не надо денег.

– Нет, так нельзя! – возразила Рита. – Вы должны хоть что-то взять!

– Давайте так: если я смогу вам помочь, вы организуете мне и ребятам, – Анатолий кивнул в сторону Киры и Светы, – хороший ужин в ресторане, идет?

– Договорились!

– Честно говоря, – добавил он вполголоса, – мне и самому интересно найти паренька: судя по всему, у него талант. Я бы такому работу предложил в своем отделе!

– А вот я бы на вашем месте не торопилась, – с сомнением отозвалась Рита. – Вполне вероятно, его трудоустройством займется ФСИН, особенно если за то время, пока мы его разыскиваем, он совершит что-то более серьезное, нежели взлом электронных устройств!

Когда Анатолий ушел, Рита вернулась к Светиному заданию:

– Светик, а как насчет фан-сайтов, у них ведь нет официальных модераторов на зарплате?

– Существует всего два сайта, которые посещают поклонники Black'n'White, – ответила та. – Я почитала письма и обсуждения на форумах – в основном, конечно. Там хвалебные отзывы или «перлы» полных придурков – с матюгами и тому подобное...

– Не думаю, что наш злоумышленник стал бы заниматься такими тривиальными вещами, – заметила Рита. – Одно дело – отсылать сообщения от имени участников группы их друзьям и знакомым, чтобы подпортить репутацию и вызвать гнев, и совсем другое – писать на какой-то форум, где тебя, скорее всего, прочтет лишь небольшая кучка людей!

– Я тоже так считаю, – согласилась Света. – Поэтому выбрала трех странноватых типов и отсортировала все, что они писали за последние полгода. Вот распечатки.

Рита взяла в руки несколько листов, протянутых помощницей.

– Спасибо, изучу на досуге. Кира, есть желание поработать? – обратилась она к молодому человеку.

– Всегда! – жизнерадостно отозвался тот.

– Тогда езжай вот по этому адресу.

– Там живет какая-то знаменитость?

– Можно и так сказать. Это ночлежка, где можно застать Нурлана Вельяшева, биологического отца Андрея. Надо выудить у него, как он попал на эфир «Только правды».

– А разве на телевидении вам ничего не рассказали? – встряла Света. – Зачем нам этот старый алкаш?

– Они там ни черта не знают, – вздохнула Рита. – Анонимный звонок! Но я ни за что не поверю, что звонил «добрый самаритянин»: кто-то специально копается в грязном белье участников Black'n'White, и я просто уверена, что до того, как позвонить, этот «кто-то» должен был встречаться с Вельяшевым лично!

– Я съезжу, – с готовностью согласился Кира. – Мне все равно заняться нечем!

– У тебя реферат, между прочим, завис! – мрачно заметила Светлана. – Вот выпрут из института...

– Не выпрут! – поморщился Кира. – И реферат почти закончен!

– Вот именно что «почти», – пробурчала Света, но больше ничего не добавила, хотя выражение ее лица по-прежнему оставалось недовольным.

Рита уже минут сорок изучала информацию, полученную от Светы, пытаясь понять, к каким из посланий стоит отнестись серьезно, а какие можно игнорировать. К счастью, последних оказалось намного больше – очевидно, писавшие их люди были не вполне психически здоровы. Конечно, от таких можно ожидать неадекватных действий, но вряд ли они способны на профессиональные хакерские атаки! Но кое-какие тексты вызывали беспокойство, и Рита как раз подумывала над тем, чтобы наведаться к тем, кто их отправлял. Телефонный звонок прервал ее размышления.

– Привет! – раздался в трубке голос Фисуненко. – Выполняю твое распоряжение, товарищ маршал Советского Союза!

– Узнал что-то о Саблине?

– На самом деле ничего я не узнал – кроме того, что он не вылетал за границу и не уезжал поездом.

– А через Финку? – спросила Рита. – Может, он на машине?

– И там проверял – ничего.

– Получается, Марк солгал своей девушке?

– Я же сразу тебе сказал – у него есть другая. Видать, у нее он и кантуется, зализывая раны...

– И гадя бывшим коллегам, – добавила Рита задумчиво. – Странно как-то!

– А теперь, подруга, без шуток: пусть девица Саблина пишет заявление в полицию.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. – Голос Женьки звучал серьезно. – Он отсутствует несколько недель, и никто из друзей и знакомых о нем не слышал. Если у него нет родственников в Бурятии или Коми, которых он мог бы неожиданно отправиться навестить, никому не сказав ни слова, боюсь, дело плохо!

– Ты же говорил...

– Тогда я думал, что он на курорте! Однако мне кажется, что известный человек не может раствориться в воздухе – ты, как никто другой, должна это понимать. Саблина надо искать в любом случае. Если он прячется намеренно, чтобы отправлять дурацкие сообщения, взламывать почту и всячески портить жизнь бывшей команде, то найти его необходимо. Если же все эти «художества» не имеют к нему отношения, значит, он не скрывается. А это, в свою очередь, наводит на неприятные мысли.

Рита и сама считала, что все слишком уж легко отнеслись к исчезновению Саблина. Борис, кажется, и вовсе о нем забыл – с глаз долой, из сердца вон. Разве так можно, ведь этот человек какое-то время являлся участником проекта, они работали бок о бок! Поэтому, едва повесив трубку, она связалась с Поморкиной.

– Вы думаете, с Мариком случилось что-то плохое? – спросила актриса, напуганная серьезным тоном Риты.

– Я не знаю, Анна, но перестраховаться не мешает. Вдруг, если его начнут искать, Марк сам объявится? А если ему нужна помощь...

– Вы правы, Марго! – перебила Поморкина. – Я сейчас на фотосессии, но как освобожусь, поеду в полицию. А у меня заявление-то примут?

– Паспорт не забудьте, – посоветовала Рита. – Если заартачатся и станут говорить, что вы, мол, ему не жена и даже не сестра, пригрозите связаться с адвокатом.

– А если...

– Если и это не возымеет действия, звоните мне!

Она повесила трубку, и тут же телефон затрезвонил снова.

– Борис? – удивленно спросила Рита. – Что-то слу...

– Случилось, случилось! – почти истерично перебил ее Мирский. – На Павла напали!

– Ну Жукова? То есть как это – напали?

– Вы что, не знаете, как это бывает? Он въезжал на машине в арку, и из темноты выскочил мужик с битой.

– О господи! Павел сильно пострадал?

– Да нет, но вот его авто пришлось несладко: ветровое стекло разбито, зеркало снесено напрочь, бампер в царапинах и вмятинах... Марго, вы же обещали помочь – что-то я не вижу результатов работы!

– Погодите, Борис, ведь речь шла только об электронных атаках, – заметила она, понимая, однако, что в чем-то импресарию прав: с самого начала можно было предположить, что неизвестный злоумышленник не остановится на такой мелочи и вполне способен на более решительные действия. – Теперь, когда такое случилось, необходимо написать заявление...

– Да написал он, написал! Куда ж деваться-то, ведь без такого заявления страховая компания с Жуковым даже разговаривать не станет!

– Он точно не пострадал?

– Физически – нет, – немного спокойнее ответил Мирский. – Но страху натерпелся!

– Не сомневаюсь.

– Нам из-за этого пришлось отложить съемки клипа, представляете? Мы сегодня в Кронштадте должны были быть... Нет, Марго, вы как хотите, а мне реально не до смеха сейчас!

– Борис, – осторожно начала Рита, – а вы не думали о том, чтобы на какое-то время нанять...

– Телохранителей? – прервал он. – Для всех солистов? Вы, наверное, шутите, – да мы разоримся!

Она напряженно размышляла.

– Послушайте, Борис, а как насчет одного телохранителя?

– Для кого?

– Для всех. Только понадобится машина, чтобы собирать вас всех по дороге на разные мероприятия и репетиции. Возможно, с водителем?

– Что-нибудь большое... – задумчиво пробормотал Мирский, начиная осознавать, что идея неплоха. – Минивэн!

– Хотите, я...

– Нет-нет, спасибо, я сам: мне нужно что-то мест на семь, но с хорошими ходовыми данными... Короче, разберемся! А вы держите меня в курсе, ладно? Если все сложится нормально, завтра с утра мы все-таки выедем в Кронштадт... А то что-то мне все это начинает слишком дорого обходиться!

Повесив трубку, Рита чертыхнулась – не зря ее отец недолюбливал Бориса, да и вообще всю эту продюсерскую братию. Синявский предпочитал все делать сам, не пользуясь услугами

посредников. Случалось, он ошибался, даже терял деньги, разрывал отношения (о, в этом, последнем, он был настоящим «художником»!), однако потом снова поднимался и начинал с нуля, но уже вооруженный опытом. Второй раз Великий и Ужасный одной и той же ошибки не совершал. А Мирский... Можно подумать, аренда машины и телохранитель требуют таких уж огромных расходов – многие артисты пользуются подобными «благами» и вовсе не считают их чем-то из ряда вон выходящим... Мама дорогая, а это становится опасным! Рита не ожидала, что неизвестный хакер внезапно перейдет к прямому физическому воздействию на своих жертв! Правда, Жуков не пострадал, это радует. Возможно, злоумышленник вовсе не желал нанести Павлу увечий? Чего же он добивается?

Рита боялась признаться себе, что, похоже, знает ответ. Он хочет, чтобы каждый из членов группы просыпался по утрам в ожидании какого-нибудь неприятного сюрприза. Он желает, чтобы их планы не имели смысла, так как он постоянно будет в них вмешиваться и перекраивать на свой лад. Ему нужно, чтобы они вздрагивали от каждого телефонного звонка, оглядывались, заходя в собственный подъезд...

Он хочет контроля. Полного, тотального контроля над жизнью ребят.

Кире раньше не доводилось посещать ночлежки, поэтому он ожидал увидеть нечто вроде хижины в фавелах Сан-Паулу, однако был приятно удивлен. Ночлежка, в которой, по словам людей с телевидения, обретался Нурлан Вельяшев, оказалась умеренно цивилизованным местом на шестьдесят койко-мест. В комнатах располагались по шесть кроватей, рядом с каждой имелась тумбочка и лампа для чтения. В общем зале стоял телевизор и лежал ковер (правда, изрядно побитый молью, но чистый), а столовая была не хуже любой больничной. Управляющей приюта, Инне Ковиной, он представился журналистом, и болтающаяся на его шее дорогая камера призвана была снять любые возможные подозрения.

– Что-то вы зачастили! – удивилась Инна, женщина неопределенного возраста, стройная, как подросток. Она носила большие круглые очки, отчего-то напомнив Кире Мэри Поппинс (хотя в бессмертном произведении и не упоминалась эта деталь внешности няни), потертые джинсы и клетчатую рубашку. Со спины он бы принял управляющую за пацана, если б не абсолютно седые волосы. – Сначала та девица из «Сладкой жизни», потом ребята из этой, как ее... какая-то там «Правда»?

– «Только правда», – подтвердил Кира. – А что за журналистка – та, которая первой приходила?

– Да обычная девица, – пожала плечами Ковина. – Вежливая такая... Уж как Нурлан удивился, когда она объявилась – да что там, Нурлан, мы все в шоке были!

– Почему?

– Как почему? Скажите на милость, кому мог понадобиться пожилой, сильно пьющий человек?

– А как та журналистка объяснила свой приход?

– Анонимным звонком. Сказала, что решила проверить, действительно ли отец знаменитости прозябает в таком жалком положении. Обещала интервью напечатать.

– Напечатала?

– Не знаю, – Инна поправила очки, съехавшие на кончик носа, – я бульварную прессу не читаю!

– Нурлан сейчас здесь? – спросил Кира. – Мне бы с ним поболтать.

– Не появлялся несколько дней. Думаю, это связано с теми парнями из «Правды»: наверное, они ему денег заплатили, чтобы он на эфир приехал.

– И что? – не понял Кира.

– Молодой человек, вы понимаете, что это значит для алкоголика? Живые деньги, бумажки – да он в тот же день отправился в магазин и накопил выпивки!

– Разве он ночевать не приходит?

– У нас правило: в ночлежке сухой закон. Мало того, даже с похмелья не принимаем. Так что, думаю, пока деньги не закончатся, мы Нурлана не увидим.

– А как насчет других мест?

– Сомневаюсь, ведь у всех одинаковые правила! Не пойму, что вам от него надо? Мужик окончательно опустился, даже собственный сын не хочет с ним знаться, и, полагаю, не просто так: с Нурланом нелегко иметь дело и сейчас, когда человек, казалось бы, должен быть благодарен за любую помощь!

– Значит, вы не поверили в то, что Андрей Вельяшев – злодей?

– Видите ли, большинство наших «гостей» – не ангелы, – вздохнула Инна. – У всех за плечами личные неудачи, в которых зачастую виноваты только они сами. Человеку свойственно винить в своих бедах других, ведь так легче, однако я не обманываюсь на их счет! Встречаются, конечно, и действительно несчастные, не приспособленные к жизни люди, но таких меньшинство. И Нурлан – не из их числа.

– Вам известно, как он оказался на улице?

– В общих чертах. Несколько браков, в основном неофициальных. Насколько я в курсе, помимо Андрея, у Нурлана есть дети от других женщин, но никто из них не желает поддерживать с ним отношения.

– А квартира?

– Было у него жилье... Вроде бы риелторы его нашли – ну, знаете, как бывает? Подписал с пьяных глаз какой-то договор, получил небольшую сумму на руки и – бывай здоров!

– То есть хату отобрали?

Инна кивнула.

– А как давно это произошло?

– Да уж лет пять тому. С тех пор Нурлан скитается. То в больничку возьмут, то по приютам. Был бы нормальным человеком, не пришлось бы мыкаться, а так... – Она бессильно махнула рукой.

– Как вы здесь работаете? – пробормотал Кира, озираясь. К запаху он уже привык, но бродящие по общему залу люди с пропитыми, красными лицами симпатии у него не вызвали.

– Кто-то же должен, – усмехнулась Ковина. – Не все такие, как Нурлан, есть и неплохие ребята, которым по-настоящему хочется помочь.

– Получается?

– Редко. Но даже то, что они не замерзнут на улице зимой и не помрут с голоду, можно считать достижением, верно?

Рита как раз выходила из здания, в котором располагался ее офис, когда едва нос к носу не столкнулась с мужчиной, входящим в крутящиеся двери. Зацепившись каблуком за металлический порожек, она полетела бы носом вниз с высоты собственного роста, не подхвати ее сильные руки и не удержали в вертикальном положении.

– Да за вами, мадам, нужен глаз да глаз, а то, чего доброго, расквасите себе физиономию!

– Фу ты, Байрамов, напугал! – выдохнула Рита, восстанавливая равновесие. – Что ты тут забыл?

– Мы еще женаты, помнишь?

– Куда там, ты ведь не даешь забыть!

– И не забывай. На самом деле я по делу.

– По делу?

– По твоему делу.

Рита насторожилась.

– Ты о чем, прости?

– В Сети появилась информация о нападении на Павла Жукова – это правда или очередная «утка»?

– К несчастью, правда. Хорошая новость – он не пострадал.

– А плохая – то, что может пострадать в следующий раз?

– Точно, – вздохнула она. – Что-то еще?

– Будем в дверях разговаривать или пойдем куда-нибудь?

– Здесь за углом есть одно местечко. Я хочу есть. А ты?

– Пошли!

Через несколько минут они оказались в приятном полумраке ресторана, где Рита всего пару дней назад сидела со Стасом. Сделав заказ, она проследила глазами за удаляющейся спиной официантки, потом посмотрела на мужа.

– Ну, о чем ты хотел поговорить?

– Вот, погляди!

Вытащив из-за пазухи свернутый журнал, он протянул его Рите. На обложке значилось: «Тайная жизнь звезд».

– Ох, Байрамов, – скептически сощурилась она, – а я-то думала, ты не читаешь такую «желтуху»!

– Не читаю, – кивнул он. – Это мне передали на репетиции ребята, так как они знают, что ты занимаешься проблемами Black’n’White. Вот, на развороте. – Игорь раскрыл перед Ритой нужную страницу. Та пробежала глазами крупный заголовок: «Неадекватная замена».

– Байрамов, расскажи в двух словах, ладно? – вздохнула она. – А то у меня уже в глазах рябит от писанины!

– Как пожелаешь. Статья посвящена Стасу Бессонову.

– Это плохо?

– Да не слишком хорошо, знаешь ли: здесь написано... вот, слушай: «...Разумно ли заменять достаточно хорошего певца, Марка Саблина, в тот самый момент, когда группа только только начала «раскручиваться» и обретать популярность, – и на кого? На паренька из глубокой провинции, за плечами которого четыре неудачных попытки суицида...»

– Это они Волгоград называют «глубокой провинцией»... Погоди-ка, что там насчет суицида?!

– Четыре попытки, – подсказал Байрамов.

– Ерунда какая-то!

– Не уверен.

– В смысле?

– Тут, – он ткнул длинным пальцем куда-то в середину статьи, – подробно описан каждый случай, включая то, что Стас несколько раз лежал в психушке. Это в принципе не страшно, ведь туда автоматически запикивают всех, кто хотя бы раз пытался свести счеты с жизнью. Но, согласись, четырежды – это перебор?

Рита взяла в руки журнал, испытывая такое чувство брезгливости, словно он весь был покрыт жабьей слизью. Откуда только они выкопали эту фотографию – ей же лет восемь, не меньше, и на ней Стас похож на потерявшегося щенка! Несколько минут она молча читала.

– Не верю ни единому слову! – сказала она наконец, отшвыривая журнал. – Откуда у них эти сведения? Насколько мне известно, врачи не дают подобную информацию!

– Ой, брось, Марго: а как папарацци проникают в больничные палаты к «звездам» и фотографируют их едва ли не на смертном одре?! По сравнению с этим подкуп психиатра – ерундовое дело!

– Не для суда, – поджав губы, покачала головой Рита. – Если взяться, такой, с позволения сказать, «доктор» может легко потерять место! В случае, если это, конечно, правда.

– А ты не веришь?

– Ты не знаешь Стаса! Он очень спокойный, тихий и малоэмоциональный человек...

– Как раз такие в первую очередь и подвержены психологическим срывам, – перебил Игорь. – Возьми, к примеру, меня: чуть что, начинаю орать – так я выпускаю пар. И через некоторое время все приходит в норму, я снова в порядке и готов к труду и обороне! А такие, как Стас...

– Все, что тебе известно, почерпнуто из таких вот «желтых» изданий! – на этот раз перебила Рита.

– Согласен, но и ты должна согласиться, что музыка может многое рассказать о композиторе?

Рита нехотя кивнула.

– В музыке Стаса присутствует надрыв – это слышно невооруженным ухом.

– Он отличный композитор!

– Естественно, иначе я бы не захотел с ним работать.

– Так тебя беспокоит, не подведет ли тебя Стас, если согласится на твое предложение? – нахмурилась она.

– За кого ты меня принимаешь? Такое впечатление, что я – человек без души и сердца, какой-то сухарь, не желающий входить ни в чье положение! Может, ты меня с папашей своим путаешь?

А ведь верно, подумала Рита с удивлением – она и в самом деле в какой-то момент перестала разделять Игоря и Синявского, словно они являлись одним целым. Но Байрамов не был Григорием Сергеевичем, в противном случае она никогда бы в него не влюбилась. У них много общего, в частности, нетерпимость к непрофессионализму и, возможно, излишняя эмоциональность, но Игорь гораздо отзывчивее по характеру, он умеет сочувствовать и сопереживать.

– Извини, если создалось такое впечатление, – сказала она, смягчая интонации. – Я не ставила целью тебя обидеть.

– О, в этом ты мастерица! Но мы говорим о Стасе. Представляешь, что будет, когда он увидит эту гадость? Его же здесь через слово буквально называют психом, сомневаются в способностях и обвиняют в том, что он выжил Саблина из проекта!

– Но что я могу сделать? – растерянно развела руками Рита, едва не выбив поднос из рук неслышно подошедшего официантки. К счастью, у девушки оказалась отличная реакция, и она вовремя увернулась и отступила.

– Простите! – пробормотала Рита, краснея.

– Ничего страшного, – заученно улыбнулась девушка.

Она расставила блюда на столе, не задавая вопросов о том, где чей заказ – хорошая память отличает работников дорогих ресторанов от тех, кто работает в бюджетных заведениях, где могут запросто не только не запомнить, что вы просили принести, но и перепутать блюда.

– Поговори с ним, – сказал Игорь, когда официантка отошла на безопасное расстояние. – Желательно – до того, как он узнает от других. Если это вранье – что ж, значит, оно не стоит внимания, а если нет...

– Что – если нет?

– Да не знаю я, не знаю! Ты взялась за это дело, значит, тебе и решать. Только мне кажется, у этих ребят столько скелетов в шкафу, что хватило бы не на четверых, а на всю труппу Большого театра... Надеюсь, они никого не убили? Потому что, судя по письмам этих ваших «маньяков», или одного «маньяка», кто-то очень зол и раздражен, и такое редко происходит без причины!

– Так ты не станешь работать со Стасом?

– Кто тебе сказал? – удивился Игорь. – Я готов с ним работать, даже если придется каждый день ходить в «дурку», чтобы обсуждать концепцию нового балета! Талант, видишь ли, не

зависит от состояния ума – он существует сам по себе. Талант Стаса как раз из таких, и ничто, кроме мирового катаклизма, не помешает мне... Если, конечно, он согласится.

– Он уже согласился.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас?

– Мы же не виделись!

– Могла бы и позвонить!

– Обязательно позвонила бы, но два следующих дня Стас все равно проведет за городом, они клип снимают, так что...

– Дай мне его телефон.

– Прямо сейчас?

– Куй железо, пока горячо: не хочу, чтобы кто-то его перехватил. Чем больше пишут о Бессонове, тем больше найдется желающих с ним сотрудничать – особенно после того, как состоится премьера «Роксоланы»!

– Не хочешь сказать, что у тебя за грандиозные планы на Стаса?

– Неужели тебе интересно?

– Мне интересно все, чем ты занимаешься.

– Мне казалось, в последнее время... Ладно, неважно. Ты ведь слушала «Роксолану»?

Рита кивнула: она сделала это, как только Игорь напомнил ей, откуда знает Стаса.

– Удивительно, как ему удалось передать дух Востока, – продолжал Байрамов. – У меня создалось полное впечатление, что эти ноты писал восточный человек, а не совершенно русский парень, понимаешь? Когда я слушал «Роксолану», ко мне пришла идея – «Махабхарата»!

– Ты шутишь! – воскликнула Рита. – Это же очень сложно, да и дорого...

– Дорого, но я могу себе это позволить. Сложно – да, несомненно, но зато будет здорово, вот увидишь!

Рита и не сомневалась в способностях мужа – как и о ее отце, о нем писали, что «Байрамов способен превратить в деньги все, что попадает к нему в руки». Самого его, правда, это высказывание не слишком-то радовало, так как, по мнению Игоря, принижало художественные достоинства его постановок в сравнении с материальной стороной вопроса.

– Как считаешь, Стаса это заинтересует? – спросил между тем Игорь.

– Думаю, да, – по-моему, он не вполне комфортно чувствует себя на сцене и предпочел бы сидеть за роялем у себя дома в джинсах и футболке, а не стоять перед зрителями, облаченный в смокинг!

– Давай телефон! – удовлетворенный ответом, потребовал Байрамов.

– Господи, и откуда только такие люди берутся! – воскликнул Кира, когда они со Светой покинули жилище очередной фанатки Black'n'White. Строго говоря, она являлась поклонницей таланта Марка Саблина, и его фотографии украшали все стены ее квартиры, а книжные полки напоминали иконостас, только вместо ликов святых среди свечей и сувениров стояли его снимки в разномастных рамках.

– Угу, – фыркнула девушка, – тетке за пятьдесят, а ведет себя, как экзальтированный подросток! Как думаешь, она могла...

– Вряд ли, – не дослушав, перебил парень. – Ну, писала на сайт, возмущалась, что группа рассталась с ее кумиром, – что из того? К тому же зачем ей устраивать нападение на Жукова, ведь претензии-то у нее не к нему, а к Бессонову и в крайнем случае к Мирскому... Хотя, пожалуй, к Стасу вообще не может быть претензий, ведь не он же выгонял Саблина из группы!

– Насколько я понимаю, Марка никто не выгонял, – заметила Света задумчиво. – Он вспылил, поругался с Борисом и ушел в надежде, что его станут упрашивать вернуться. А Мирский повел себя как бизнесмен – вот и весь сказ! Не стал возиться с капризной «звездой»,

а взял и заменил... Между нами, я Саблина никогда «звездой» и не считала: голос у него, конечно, есть, но так себе.

– Я в таких вещах не разбираюсь, – честно ответил на это Кира. – Для меня что Большой театр, что «Виагра» – один черт. Я инструментальную музыку предпочитаю, чтоб вовсе без голоса... Сколько там еще «психов» осталось?

– Только одна, Мария Чудинова, – заглянув в список, сказала Светлана. – Кстати, она тут недалеко живет – давай пройдемся пешком?

– Они что, и селятся рядом? – буркнул Кира, подстраиваясь под быстрый шаг спутницы.

Дом, в котором обитала Чудинова, оказался новым. Располагался он на охраняемой территории, и молодым людям пришлось просить охранника позвонить в квартиру, так как он ни в какую не желал их пропускать даже во двор. Существовала вероятность, что фанатка Саблина откажется их принять или что ее нет дома, однако их опасения не оправдались, и охранник после коротких переговоров с хозяйкой квартиры открыл шлагбаум.

– Вы такие молодые! – скорее с изумлением, нежели с подозрением произнесла открывшая дверь высокая, полная дама в японском халате, украшенном яркими птицами и цветами. – Неужели и в самом деле детективы?

– В некотором роде, – ответила Светлана, озираясь по сторонам и дивясь роскошной обстановке. – Мы работаем на частного детектива Маргариту Синявскую...

– Ту самую, дочку покойного балетмейстера? – перебила Чудинова. – Жену Байрамова?

– Да.

– Вот это да! Ну вы проходите в зал, проходите!

Слово «зал» резануло слух Светланы: так обычно изъясняются провинциалы, недавно проживающие в Северной столице, где принято говорить «гостиная». Если тетка приехала из какой-то Тмутаракани, остается лишь поражаться ее смекалистости, позволившей нажить такие хоромы! Кроме того, она не чужда светской жизни, иначе откуда ей известно имя Маргариты Григорьевны, ее отца и Игоря?

«Зал» представлял собой тридцатиметровую полукруглую комнату, заставленную мебелью – недешевой, но не сочетающейся ни по стилю, ни по цвету: создавалось впечатление, что хозяйка квартиры, приобретая эти предметы, больше смотрела на цены, стараясь выбирать что подороже.

– Вы слышали о нападении на Павла Жукова? – бросилась с места в карьер Света, едва все уселись на мягких диванах, обтянутых сирийским шелком.

– А то! – закивала Чудинова. – На улицу выйти страшно!

– Мария Ильинична, это ведь вы ведете сайт, посвященный группе Black'n'White?

– Я? Да вы что, я в этом разбираюсь, как лось в лососине! Это все дочка моя, Розочка, – она поклонница Марка Саблина, вот и меня втянула... Мне, правда, больше другой парень нравится, грузин...

– Бесо Метревели?

– Точно!

Ребята переглянулись.

– А дочка ваша дома? – спросила Кира. – С ней можно поговорить?

– Она на Мальдивах с дружкой своим, с Жориком – уже три недели пузо греют... А что, собственно, произошло?

– Вы часто заходите на сайт, созданный Розой?

– Бог с вами, Роза никакого сайта не создавала – она может создать только финансовые проблемы! Ну, захотелось дочке свой сайт, я нашла человека... Розочка действительно что-то там пишет, «чатится» – так ведь сейчас говорят? На этом самом сайте она и Жорика нашла. Никчемный парень, нигде не учится и не работает, но сошлись они на почве музыки – что

тут подделаешь? Пусть развлекаются, пока молодые да мой бизнес процветает... А что случилось-то?

– Значит, вы не знаете, что ваша дочь разозлилась на членов группы из-за того, что Марк Саблин ее покинул?

– Да-да, Розочка была в бешенстве, – закивала Чудинова. – Она просто влюблена была в этого Саблина, понимаете... Пойдемте, я покажу вам ее комнату – просто фотогалерея какая-то!

В просторной, светлой спальне в стиле Пэрис Хилтон, оформленной в жутких розовых тонах, и в самом деле в глазах рябило от снимков Марка Саблина. На некоторых стояли автографы, на парочке Роза, молодая девушка непримечательной наружности, даже запечатлелась рядом со своим идолом – эти фото занимали центральное место.

«Странно, – подумала Светлана, – эта женщина с ними так откровенна и, похоже, ничего не боится: виновные так себя не ведут. Может, она не в курсе, что ее дочурка писала гадости в адрес солистов Black'n'White?»

– Вот, полюбуйтесь, – тем временем сказала Чудинова, широким жестом обводя помещение. – Ни одного живого места на обоях, а они, между прочим, чертову тучу денег стоили! Марка она просто обожает, пишет ему в этом, как его... фэйсбуке, записи его коллекционирует. Когда его выперли, она рыдала, можете поверить? Говорила, что без Марка группа потеряла свой шарм, а этот новенький, как его... не видела, даже имени не запомнила, – ни за что не сможет сравниться с Саблиным!

– Откуда же Роза это знала, ведь нового солиста еще официально не представляли как члена группы? – поинтересовалась Света.

– Ну их там, на сайте, много фанатов, они все знают, кто есть кто... Как по мне, так в этом Марке нет ничего необычного, а вот Метревели – это фигура, голос... короче, мужик что надо!

Когда они оказались на улице, Светлана сказала:

– Зря, можно сказать, весь день по городу бегали – ничего не узнали!

– Слушай, но ведь девчонка на Мальдивах, – напомнил Кира. – Значит, не она гадости писала-то?

– Да кто тебе сказал? Наверняка у нее айфон – подключайся к Инету и пиши что душе угодно, хоть с Мальдивских островов, хоть с Северного полюса! Только одно ясно: вся ее писанина яйца выеденного не стоит, а угрозы – так, от досады, что с любимчиком поступили несправедливо.

– Значит, кто-то другой организовал нападение на Жукова, – вздохнул Кира.

– Чем дальше, тем больше мне кажется, что это Мирский, – внезапно заявила Светлана.

– Что-о?!

– Ты в курсе, что Байрамов тоже так считает?

– А он для тебя что, авторитет в сыском деле?

– Нет, конечно, но... Заметь, на Жукова напали, но пострадал только его автомобиль. Остальные вообще отделались фотографиями да письмами. Ну, парочка репортажей неприятных – опять же для пиара самое то... Если бы в прессе, скажем, писали: Black'n'White – классная группа, замечательные ребята, потрясные голоса – кому это интересно? Другое дело – вывернуть наизнанку их личную жизнь, потешить публику скандалом, чтобы даже те, кто не интересуется музыкой, задались вопросом: а кто же это такие?

– И пошли бы на концерт?

– И раскупили бы диски, обсудили ситуацию с друзьями и знакомыми... Вот так сейчас «раскручиваются» артисты, а Мирский – спец в таких делах. Помнишь, как одна из его солисток из девчачьей группы вдруг объявила, что бойфренд ее избил? По всем каналам показывали ее расквашенную физиономию! Честное слово, если бы меня поколотили, я бы постеснялась показываться на экране – накатала бы заявление в полицию, и дело с концом!

- А чего она этим добилась? – не понял Кира.
- Того, что продажи «Поющих трусов» взлетели до небес, и каждое уважающее себя ток-шоу буквально разрывало солисток на части, желая пригласить к себе на эфир!
- Надолго ли? – скептически хмыкнул парень.
- В их ситуации – нет, так как качество «продукта» оставляло желать лучшего. А вот в случае Black'n'White может сработать, ведь они хороши!
- Может, зайдем поштефкаем куда-нибудь? – предложил Кира. – С утра голодные носимся!
- Ну давай, – согласилась Света. – В столовку или в кондитерскую?

Дорога до Кронштадта заняла сорок минут. Еще утром Рита не была уверена в том, что ехать стоит, ведь Стас, скорее всего, ничего не знает о статье в «Тайной жизни», и ей вовсе не улыбалось стать первой, кто ему о ней сообщит. Однако, поразмыслив, Рита все же решила поговорить с другом детства: возможно, разговор поможет выяснить личность того, кто так грубо вмешивается в жизнь группы?

Борис предупредил, что сегодня будут снимать в крепости и на скалах возле нее. Туда-то Рита и направилась. Издали заметила три припаркованных авто. Охранник на въезде остановил Риту словами:

- Простите, сегодня крепость закрыта для посещения – идут съемки клипа.
 - Я в курсе, – сказала она и, вытащив сотовый, набрала Бориса.
 - Сейчас пришло Беллу, – сказал импресарио. – Пять минут!
- Администратор группы появилась раньше.
- Вы не закончили? – поинтересовалась Рита после дежурных приветствий.
 - Ой, куда там – еще конь не валялся! – отмахнулась девушка.
 - Надо же, а я специально приехала под вечер...
 - Так белые ночи же – солнце не заходит, снимать можно до рассвета! Мы начали в семь утра.
 - Господи, чего в такую рань-то?!
 - Оплачено двое суток, администрация крепости лишается дохода от музея.
 - А что, разве тут такой наплыв туристов?
 - Да нет, какой наплыв! – усмехнулась Белла. – Всего по паре групп в день, одиночки редко забредают – еще не сезон. Настоящий поток нахлынет в конце июня, но людям тоже хочется заработать, понимаете? Поэтому Борис форсирует съемки, ребята вымотались, голодные... Короче, страх и ужас!
 - Разве Мирский не позаботился о том, чтобы накормить группу?
 - Он обещал, что мы сделаем перерыв и поедим в ресторане, но перерыва не было, следовательно...
 - Белла, а давайте я съезжу за провизией? – предложила Рита. Все равно со Стасом она разговаривать не станет, пока Мирский не объявит окончание съемки – неизвестно, как беседа скажется на работе.
 - Вы ангел! – обрадовалась девушка. – Я бы и сама съездила, только Борис меня гоняет как сидорову козу – подай, принеси, позвони...
 - Все в порядке, я быстро обернусь.
 - Скажу охраннику, чтобы он пропустил вас, как только вернетесь!
- За двадцать минут Рита смоталась до магазина и обратно, накупив всякой всячины не только для артистов, но и для съемочной бригады. На этот раз охранник без слов позволил ей въехать на территорию крепости. Прихватив сколько могла унести, Рита направилась во двор.
- Вы быстро! – подлетая к ней, заметила администраторша, выхватывая одну из тяжелых сумок.

– В машине еще остались продукты.

– Эй, ребята, идите сюда! – обратилась Белла к молодым парням, возившимся с оборудованием на лестнице, ведущей на стену крепости. – Кажется, мы наконец поедим!

Мужчины буквально бегом кинулись вниз. Передав сумки хрупкой, но на удивление сильной администраторше, Рита вернулась с ребятами к машине и выгрузила оставшуюся провизию.

– Вы – наша спасительница! – сказал один из них, представившийся осветителем Мишей, когда они, нагруженные, шли обратно. – Я уж думал, помрем с голоду, и наши бранные останки достанутся голодным чайкам!

– А это чья машина? – спросила Рита, кивая на «Тойоту Альфард», припаркованную между двумя белыми авто съемочной группы.

– Мирского.

Значит, Борис последовал ее совету и арендовал минивэн – уже что-то! Интересно, телохранителя он тоже успел нанять?

Она получила ответ на свой вопрос, поднявшись на стену крепости вслед за Мишей: огромный молодой мужчина с хвостиком на затылке и бритыми висками стоял рядом с Мирским, сложив руки за спиной. Ну почему все телохранители похожи, как близнецы? Неужели не понятно, что в этой профессии главное – не размер, а ловкость, скорость и реакция?

– Отличная мысль съездить за едой! – похвалил Мирский. – Без отрыва, так сказать, от производства!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.